

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣлениe въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознанія, гонорара, считаются езидательными.

Мелкія рукописи ~~на храненіе~~ ются
Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк. на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к. Объявл.—20 к. со стр. пет.



Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 10 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Напоминаніе.—Справка.—Отъ редакціи—Вопросы народнаго театра *И. Иноzemцева*.—Враги и защитники искусства *А. Ростиславова*.—Памяти умершней (изъ Мюссе) стих. *Е. Казберукъ*.—Московскія письма *Арсения Г.*.—Хроника театра и искусства.—Замѣтки *Ното порис*.—Мой неудавшійся дебютъ (окончаніе) *С. Шевилъ*.—Заграницею.—Привинчальная лѣтопись.—Репертуаръ Имп. Спб. театровъ.—Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

№ 2.

Иллюстраціи и рисунки: «Заза» рис. *A. Ross*.—«Царь Феодоръ» на московской сценѣ (4 иллюстр.)—«За честь отца» (мелодрама) на сценѣ Вахилеостровскаго театра—Карикатура.

Портреты: Софии Ментеръ, Камиллы Эверарди, Падеревскаго и Юсифа Левинскаго.

Лит.-драм. отд. (только для подписчиковъ). «Въ деревнѣ» *К. Фоломьевъ* (окончаніе).

Принимается подписка на 1899 г.
на Журналъ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по два руб.
1-го марта и 1-го июня.

См. стр. 48.

С.-Петербургъ, 10-го января.

Ниже читатели найдутъ отчетъ объ устроенномъ въ пользу Театральнаго Общества концертѣ, съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ. Разумѣется, благотворительность часто украшена девизомъ «ça me soucie si peu de choses et ça leur fait tant plaisir». Тѣмъ не менѣе, трудъ ли эта благотворительность, или нѣтъ — она даетъ плоды, и какъ видно по результатамъ, весьма солидные.

Заговорили мы объ этомъ потому, что среди сценическихъ дѣятелей часто слышишь нареканія на то, что провинціальные артисты «устранены» отъ участія въ Театральномъ Обществѣ. Не устранены, но устранились — это точно. Въ образованіи фонда Театральнаго Общества провинціальные сценические дѣятели участвуютъ весьма мало. Членскими взносами, — пожалуй, но нисколько другими способами и въ другой формѣ. Ничего не слышно, напримѣръ, о спектакляхъ въ пользу театрального фонда въ провинции. А между тѣмъ какая большая цифра могла бы получиться отъ этой провинциальной лепты!

Если смотрѣть на фондъ Театральнаго Общества, какъ на складочный капиталъ — мы не говоримъ, что такъ именно и слѣдуетъ смотрѣть, — то доля участія, паевой, такъ сказать, рубль провинціальнаго актера будетъ поистинѣ ничтоженъ. А между тѣмъ, худо ли, хорошо ли, все-таки въ черный день приходится сюда обращаться. И если въ Сибири случается театральное бѣдствіе — отзываются все тѣ же Петербургъ...

Осмотрѣться, подумать, стряхнуть съ себя лѣнь, беспечность, легкомысліе — давно пора. Время идеть, годы бѣгутъ... Не успѣшь оглянуться, и старость стучится у порога, сирая, убогая, необезпеченнай...

Этотъ вопросъ объ обезпечениіи тружениковъ-актеровъ занимаетъ насъ въ настоящее время съ особенною силою, и мы надѣемся въ скромъ времени подѣлиться съ читателями результатами нашихъ работъ и соображеній въ видѣ стройной системы.

А пока не нужно забывать то, что есть, то, что существуетъ единственно — Театральное Общество.

Въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что 15-го января исполняется 50 лѣтъ со дня утвержденія положенія объ императорскихъ артистахъ. Сообщеніе это нуждается въ поправкѣ. Положеніе объ императорскихъ артистахъ Высочайше утверждено 15 января 1839 г. (см. Собр. Зак. т. XIV, подъ № 11934), стало быть, въ этомъ году исполняется не 50 лѣтъ, а 60 со дня утвержденія положенія. Положеніе это, съ нашей точки зреянія, представляетъ нѣкоторые курьезы: такъ наряду съ управляющими Императорскими театрами, режиссерами, актерами, званіе артистовъ Императорскихъ театровъ присваивается и... театральному парикмахеру. Да, всѣ артисты «по таланту, амплуа и должностіи» дѣлятся

на три разряда. Впрочемъ, парикмахеръ, какъ бы талантливъ ни былъ, состоять въ третьемъ разрядѣ.

Большая часть постановлений «Положенія», разумѣется, отмѣнена, но не всякая отмѣна была на пользу. Нельзя, напримѣръ, не замѣтить, что дѣление артистовъ Императорскихъ театровъ на разряды, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается вознагражденія, имѣетъ свое *raison d'être*. На чёмъ основаны нынѣшніе оклады? Мы не говоримъ, что оклады назначаются, безъ соображенія съ дѣйствительными достоинствами, или что такъ бываетъ обыкновенно. Мы хотимъ лишь указать, что въ этомъ вопросѣ—вопросѣ весьма важномъ и существенномъ—нѣтъ опредѣленныхъ и руководящихъ оснований. Повышениемъ для артиста должна быть не прибавка къ жалованью, часто случайная и находящаяся въ связи съ свободными суммами и остатками, а переходъ въ слѣдующій разрядъ...



Отъ редакціи.

Первый номеръ журнала, свое временно разосланный городскимъ подписчикамъ, вслѣдствіе недоразумѣнія съ иногородней газетной экспедиціей разосланъ иногороднимъ подписчикамъ только въ четвергъ, въ чемъ контора приноситъ подписчикамъ свое извиненіе.

Хѣ слѣдующему номеру будетъ приложена пьеса І. Радзивиловича „Історія одного увлеченія“ и ария (съ русскимъ текстомъ) изъ новой оперы Масканы „Iris“.

Просимъ сценическихъ дѣятелей, фамилии коихъ начинаются на буквы „Д“ и „В“ за-блажовременно присыпать о себѣ біографическія сбѣдѣнія.

Хѣые подписчики на 1899 г. могутъ полу-чить 1 выпускъ „Словаря“ за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. продаются за 6 р. (безъ пересылки), за 1897 г. (2-е изданіе—въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).



Вопросы народнаго театра.

I.

Вотъ уже третій годъ, какъ народный театръ выступилъ, такъ сказать, въ первую линію вопросовъ русской общественной жизни. И раньше, даже до 1862 г., устраивались кое-гдѣ въ деревняхъ спектакли для народа, но никто не придавалъ имъ существенно серьезнаго значенія. Это были, можно сказать, пробные шары—даже народный театръ на московской выставкѣ 1872 г. Теперь дѣло значительно измѣнилось; печать, особенно провинциальная, дѣятельно обсуждаетъ вопросы народнаго театра, и доказываетъ съ извѣстнымъ жаромъ необходимость народнаго театра для Царевококшайска или желательность такого-то репертуара для проектируемаго въ

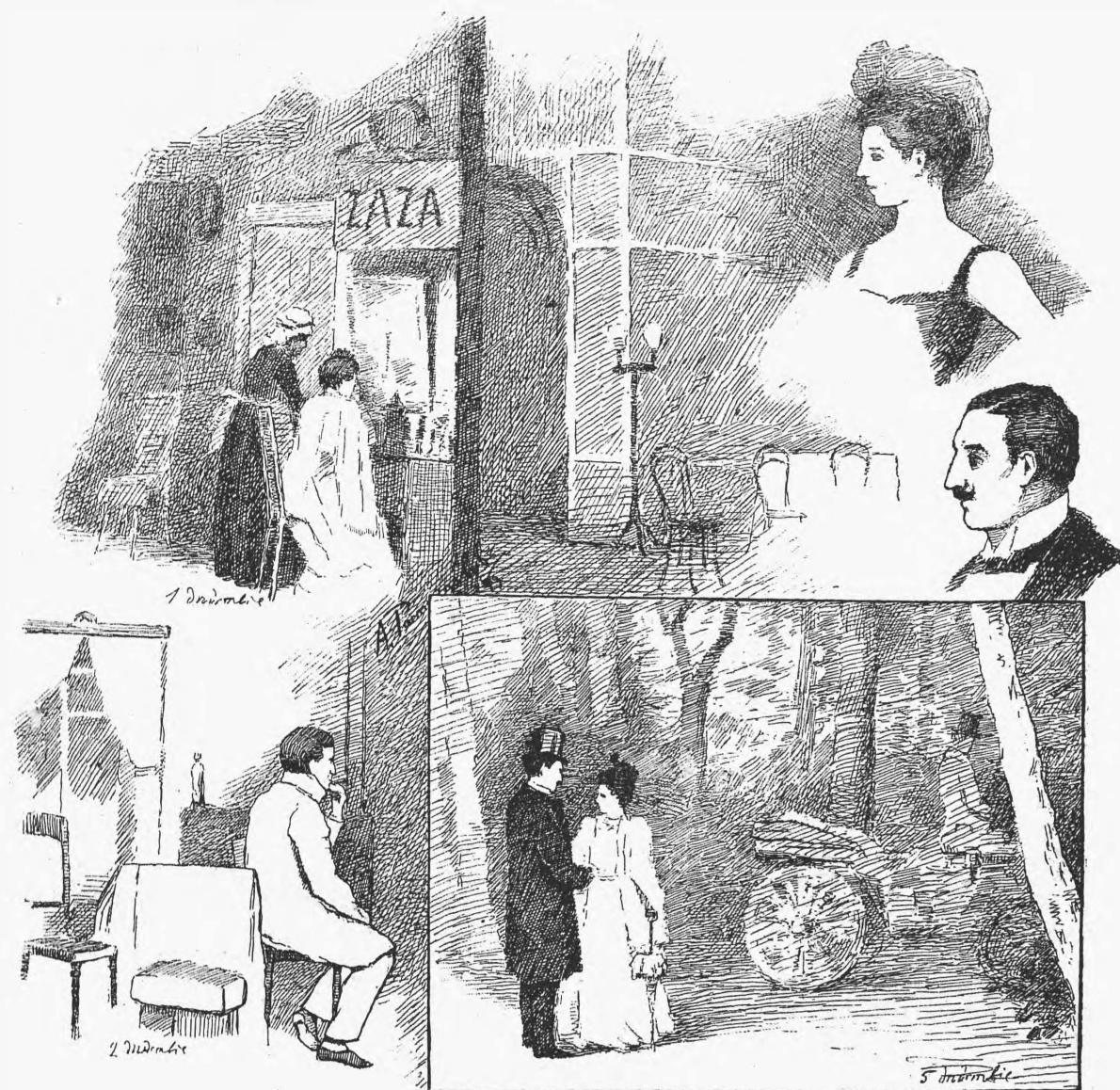
будущемъ столѣтіи народнаго театра въ Чухломѣ. Любопытно при этомъ, что разговоры идутъ далеко впереди дѣла, и если бы была сдѣлана хотя половина того, что наговорено, то уже давно Россія имѣла бы больше народныхъ театровъ, чѣмъ школъ. При всемъ томъ, даже теоретическое освѣщеніе дѣла едва ли особенно подвинулось впередъ, не говоря уже о множествѣ частныхъ вопросовъ, даже вообще остается открытымъ и спорнымъ — нужно ли народный театръ, каковы его цѣли и назначеніе? Само собою разумѣется, не сдвинувши съ дороги этого препятствія, нельзя пойти и дальше. Разберемся въ материалахъ.

Что же говорятъ противъ народнаго театра? На первомъ планѣ нужно поставить, конечно, соображеніе о невозможности тратить на народныя развлеченья государственные и общественныя деньги. Это точка зреінія „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Кievлянина“. „Общественныя и государственныя средства приобрѣтаются принудительнымъ путемъ и должны расходоваться съ величайшей осторожностью и лишь на тѣ назначенія, которыя дѣйствительно оправдываются государственной или общественной цѣлью“. Уже эта фраза, принадлежащая „Кievлянину“, даетъ въ руки возраженіе. Государственныя деньги на народный театръ могли бы пойти чрезъ попечительства, и слѣдовательно ихъ затрата будеть „дѣйствительно оправдываться общественною цѣлью“, такъ какъ въ соотвѣтствии вѣдомствѣ—другой вопросъ, правильно иль нѣтъ—признаю, что народныя развлеченья являются весьма дѣйствительными противъ народнаго пьянства. Съ другой стороны нельзя такъ-таки категорически утверждать, что казенныя деньги не должны тратиться вообще на театральныя зреіла, --какъ разъ противоположное мы видимъ во всѣхъ государствахъ, дающихъ большія субсидіи или даже содержащихъ (съ убыткомъ) собственные оперныя, драматические и балетныя театры. Если народный театръ по какимъ-либо другимъ мотивамъ не заслуживаетъ права на существованіе, тогда другое дѣло. Пока же, что упрекъ въ затратѣ на него казенныхъ денегъ не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что и въ Россіи и заграницей есть примѣры народныхъ театровъ, ведущихся собственными силами и безъ затраты какихъ бы то ни было казенныхъ денегъ.

Что касается до „Московскихъ Вѣдомостей“, то къ этому финансому обвиненію онѣ присоединили еще и политическое, записали всѣхъ дѣятелей народнаго театра въ Кукшинѣ и К° и объявили основную мысль „интеллигентовъ“ насчетъ необходимости размноженія у настѣ народныхъ театровъ, не выдерживающей строгой критики. Это, конечно, обычная тревога „Московскихъ Вѣдомостей“, зачущихъ ненавистнаго „интеллигента“.

Другая категорія противниковъ народнаго театра выходитъ изъ чисто религіозныхъ соображеній. Такъ въ концѣ 1897 г. министерствомъ финансовъ были выпущены отдѣльной брошюрою „Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ“. Въ числѣ ихъ имѣются и отзывы преосвященныхъ по всѣмъ епархіямъ, и всѣ они говорять сочувственно о дѣятельности попечительствъ и не возражаютъ противъ народныхъ спектаклей. Исключеніе составляетъ лишь епископъ пермскій и соликамскій, утверждающій, что „наша православная церковь не благословляетъ театральныхъ зреілицъ“. Далѣе епископъ пермскій ссылается на споръ въ XVII вѣкѣ университетовъ Галльскаго и Виртемберскаго, закончившійся решеніемъ, что театральные зреіла и опасны, и неприличны. Тѣмъ не менѣе эти же ученые пришли и къ такому заклю-

„З а з а“.



(Рис. А. Ро--ва).

ченію: „на эти утѣхи и забавы нѣтъ запрещенія въ словѣ Божіемъ“ („Отзывы“, стр. 46).

Кромѣ этого намъ извѣстно еще только одно выраженіе того же типа, въ которомъ, впрочемъ, преобладаютъ соображенія народной нравственности. Выраженіе это принадлежитъ „Астраханскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“: „простой нашъ народъ до настоящаго времени былъ чуждъ подобныхъ развлечений и удовольствий, къ которымъ онъ, по врожденной своей скромности и сохранившейся еще въ немъ цѣломудренности, не питалъ никогда склонности и расположженія, считая всѣ подобныя развлеченія грѣховными, а лицъ, подвизающихся въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, падшими въ нравственномъ отношеніи“. Если даже за „настоящее время“ считать все текущее столѣtie, то и въ такомъ случаѣ приведенное утверждение „Вѣдомостей“ фактически не вѣрно, такъ какъ „подобныхъ развлечений и удовольствий“ нашъ народъ никогда не чуждался, о чёмъ свидѣтельствуютъ существовавшіе сотни лѣтъ скоморохи и гудочники, также театръ маринетокъ, Петрушки и малороссийскій „вертепъ“, въ которомъ разыгрывается цѣлый рядъ пьесъ, вродѣ наказанія царя Ирода, любви казака и его гибели отъ укуса змѣи. Чтобы еще ближе подойти къ чисто

театральнымъ представлѣніямъ, напомнимъ о „Печерномъ дѣйствіи“, этомъ прообразѣ западно-европейскихъ мистерій, а также о царѣ Максимилианѣ, живущемъ въ нашемъ народѣ уже очень давно. Наконецъ есть изъ прошлаго столѣтія (1765 г.) свидѣтельство писателя М—кина по поводу открытия тогда въ Петербургѣ чего-то вродѣ народного театра: „Со втораго дня Святага Пасхи открылся сей театръ: овъ сдѣланъ на пустырѣ за Малой Морской. Нашъ низкой степени народъ столь великую жадность къ нему показалъ, что оставя другія свои забавы, изъ которыхъ иная дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище сбирался“ (Цитир. у г. Щеглова, „Народный театръ“).

Наконецъ „Кievлянинъ“ нашелъ еще одну причину отрицать необходимость народного театра. „Наши городскіе театры представляютъ столько извращеній, столько отталкивающихъ и возмушающихъ уродливостей, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ подлежитъ еще большому сомнѣнію: слѣдуетъ ли ихъ отнести къ учрежденіямъ полезнымъ, или вреднымъ, поучающимъ и возвышающимъ духъ, или развращающимъ и унижающимъ умъ и нравственное чувство“. Далѣе говорится, что въ литературѣ работаетъ губительный червь извращеній и даже „Власть тьмы“ извѣдена этимъ

чевремъ. Оставляя автора статьи съ его курьезнымъ, чтобы не сказать болѣе, мнѣніемъ насчетъ „Власти тьмы“, можно ему только замѣтить, что когда говорятъ о народномъ театрѣ, то вовсе не думаютъ о фарсѣ и опереткѣ, а имѣютъ въ виду истинно художественныя произведения, „поучающія и возвышающія духъ“. Не даромъ же главнѣйшая часть обширной нынѣ русской литературы по народному театру именно трактуется о его репертуарѣ.

Такимъ образомъ всѣ возраженія принципіальныхъ противниковъ народного театра разбиваются сами собой. Ни религія, ни нравственность отъ него не пострадаютъ, государственные деньги на него можно тратить, разъ онъ будетъ признанъ преслѣдующимъ извѣстныя государственныя или общественныя цѣли— нужно, слѣдовательно, доказать только, что народный театръ полезенъ и необходимъ...

Ив. Иноземцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Враги и защитники искусства.

Чрезвычайно интересное время переживаетъ наше художество. Несомнѣнно, именно въ области живописи наэрѣло много животрепещущихъ вопросовъ; несомнѣнно, рознь и партійность между художниками и сбивчивость представлений о сущности искусства сказывается въ публикѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, несомнѣнно, наконецъ, такъ называемое декадентство, которому многіе такъ охотно и уже не разъ пѣли панихиду, у насъ по крайней мѣрѣ и не думаетъ умирать, а наоборотъ, въ лицѣ новаго художественнаго журнала „Миръ искусства“ храбро поднимаетъ свое знамя. Страстные и горячіе толки, которые возбуждаются среди художниковъ и интересующейся публики оба наши новыя художественные изданія, дотакого, можно сказать, курьеза противоположныя другъ другу и тѣмъ не менѣе сходящіяся на одномъ пунктѣ—культѣ Васнецова и до смѣшного напоминающія старого брюзжащаго дѣда и задорнаго юношу внука,—все это указываетъ на жизненность, на важность поднятыхъ ими вопросовъ. И, какъ это нерѣдко бываетъ, комическіе и мелкіе на первый взглядъ эпизоды, перепутываются съ важнымъ и существеннымъ. Недавно напр. „самая распространенная газета“ опубликовала на „всю Россію“, что въ одномъ „почтенномъ“ художественномъ обществѣ на „пятничномъ“ собраниѣ былъ провозглашенъ и „дружно подхваченъ всѣми присутствовавшими тостъ за г. Буренина“, какъ за защитника „искусства отъ грубыхъ нападокъ любителей всякаго новшества“. Я думаю, самъ г. Буренинъ, который довольно не глупъ, не удержался отъ смѣха, узнавъ о такомъ курьезномъ тостѣ. Конечно, забавно и въ своемъ родѣ прелестно, что торжественно объявляется защитникомъ искусства съ „подніманіемъ тоста“ г. Буренинъ, который не скучится на самыя неприличныя и беззастѣнчивыя выходки, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ по адресу двухъ крупнѣйшихъ представителей этого искусства у насъ—Рѣпина и Антокольскаго, который и въ этомъ фельетонѣ, какъ и всегда, обнаружилъ изрядную долю невѣжественности въ области живописи, подписываясь подъ одряхлѣвшей и казалось бы, давно уже сданной въ архивъ, формулой Чернышевскаго, сравнивая и сваливая въ

одну кучу съ „Тадемами, Бугеро, Леферврами, и Семирадскими“ одного изъ самыхъ оригинальныхъ и громадныхъ современныхъ художниковъ—Васнецова. Конечно, и „почтенное“ общество, въ послѣдніе годы „престранно себя аттестующее“, едвали удивить кого либо изъ людей свѣдущихъ своимъ тостомъ. Но вѣдь публика-то, „всѧ Россія“, читающая „самую распространенную“ газету, мало свѣдущая въ дѣлахъ художества и ослѣпленная ловкой игрой полемическихъ пальцевъ г. Буренина, можетъ и взаправду подумать, что г. Буренинъ дѣйствительно защитникъ искусства, ибо увѣщаетъ этимъ званіемъ самыми гг. художниками, и что, видно, ужъ очень плохо приходится бѣдному искусству, если оно нуждается въ такомъ адвокатѣ. Нѣтъ, какъ хотите, а этотъ курьезный и мелкій на первый взглядъ фактъ—онъ имѣетъ большое значеніе. Ибо, какъ оно ни печально, а въ данномъ случаѣ за спиной г. Буренина стоитъ большая аудиторія, раздѣляющая его взгляды и готовая принять на вѣру всѣ его „разсужденія“.

Врагъ, на котораго обрушился г. защитникъ искусства (позвольте уже удержать этотъ судобныи терминъ), новый художественный журналъ „Миръ искусства“ и его редакторъ г. Дягилевъ. Къ удивленію, въ числѣ сотрудниковъ этого органа, враждебнаго искусству, мы встрѣчаемъ самыя почтенные и извѣстныя имена крупнѣйшихъ и интереснѣйшихъ представителей русского искусства: И. Рѣпина, В. и А. Васнецовыхъ, В. Полѣнова, П. Соколова, В. Сѣрова, М. Нестерова, И. Левитана, знаменитаго финляндскаго художника Эдельфельда и др. Очевидно, не на эти имена направлены „грубыя нападки“ врага искусства. Слѣдовательно, не въ нихъ олицетворяется обиженное имъ искусство. Но въ комъ же? Ужъ не въ господахъ ли членахъ „почтенаго“ общества, „дружно подхвачившихъ тостъ“, и имъ подобныхъ?

Судя по первымъ номерамъ, журналъ „Миръ искусства“ ведется неглупо, убѣжденно и довольно умѣло, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе умѣло, чѣмъ другой художественный журналъ руководимыи „генералами“, и что онъ ставить чрезвычайно серьезные вопросы искусства.

Надо признаться, что публика не любить декадентовъ. Издѣваться надъ декадентами сдѣлалось общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ многіе ли представляютъ себѣ ясно, что такое декаденты и декадентство? Пленеристы, импрессіонисты, даже пантилисты еще недавно считались декадентами, а теперь публика сплошь и рядомъ любуется ихъ произведеніями на выставкахъ, даже и не подозрѣвая, что ихъ надо окрещивать страшными когда-то названиями. Дѣло очень просто: эти теченія, направленія, внесшія такую свѣжую струю въ современную живопись, совершенно логичны и законны, и потому, конечно, завоевали и завоевываютъ себѣ право гражданства, оттолкнувъ сначала публику своей новизной и нѣкоторыми крайностями. Ужъ не декадентство ли символизмъ, который такъ-же старъ, какъ старо само искусство и который является теперь новшествомъ, только благодаря господствовавшему недавно въ живописи и литературѣ и исключавшему его реалистическому направлению? Въ сущности, публика не любить и боится всего нового въ искусства и очень довольна, что въ настоящее время это новое можно окрестить подвернувшимся словечкомъ—декадентство. Далеко не неправъ извѣстный англійскій эстетикъ Оскаръ Уайлдъ въ слѣдующемъ желчномъ приговорѣ: „Публика ненавидитъ новшество... Она унижаетъ классиковъ до степени авторитетовъ и превращаетъ въ своего рода

дубины, чтобы побивать ими всякое свободное выражение прекрасного въ новыхъ формахъ... Обо всемъ, что ново, публика неизмѣнно говорить одно изъ двухъ: „это бѣзсмыленно“ или „это бѣзравственno...“ Не привожу еще болѣе рѣзкихъ выражений. Публику отталкиваютъ и пугаютъ эксцентричности и крайности, за которыми она нерѣдко не можетъ разсмотреть глубокой и интересной сущности, подобно тому, какъ дѣтей пугаютъ эксцентрическія детали въ лицѣ или костюмѣ можетъ быть очень хорошаго человѣка. Внѣшность и особенно привычная внѣшность играютъ для насъ большую роль.

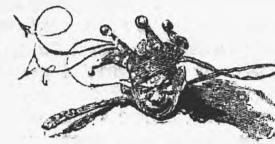
„Зашитникъ“ искусства г. Буренинъ, касаясь, съ обычною ловкостью разнаго вздора, ни слова не говоритъ о сущности и содержаніи статьи г. Дягилева „Нашъ мнимый упадокъ“. Статья эта, трактуя о сущности современного декадентства и о причинахъ гоненія на него, надо сознаться, интересно ставить вопросъ. Въ настоящее время мы переживаемъ естественный періодъ „переоцѣнки укоренившихъ поклоненій“. Ссылаясь на очень интересные примѣры и моменты въ исторіи искусства, доказывающіе несомнѣнность вѣчно повторяющагося закона эволюціи въ смѣнѣ однихъ направлений другими и вѣчно повторяющейся при этомъ борьбы, указывая на то, что и въ нашемъ столѣтіи три преобладающія течения въ искусствѣ: классицизмъ, романтизмъ и реализмъ развились самостоительно, каждое само по себѣ, и совершили полный эволюціонный путь,—авторъ естественно ставить вопросъ, упадокъ какого же изъ этихъ направлений представляютъ современные декаденты, „съ какой высоты упали“ они? Ибо, несомнѣнно, декадентство не вылилось ни въ одну изъ этихъ „украшенныхъ этикеткой формъ“, а между тѣмъ и противники его не могутъ отрицать, что оно уже внесло въ искусство нѣчто новое, свѣжее и здоровое (империализмъ, импрессионизмъ и пр.), и что слѣдовательно оно имѣть право на существование, хотя и само еще „томительно ищетъ“ свой „храмъ“. Стало быть, въ строгомъ смыслѣ надо называть декадентами всѣхъ современныхъ представителей искусства, гонителей декадентства, такъ какъ они сами представляютъ упадокъ когда-то блестящаго періода, каждый въ предѣлахъ своего направленія, вродѣ напр. гг. Семирадскихъ и Бакаловичей, этихъ декадентовъ псевдо-классицизма или старыхъ передвижниковъ, скучныхъ, неинтересныхъ декадентовъ въ свое время трезваго и нужнаго народническаго и реалистического теченія въ искусствѣ.

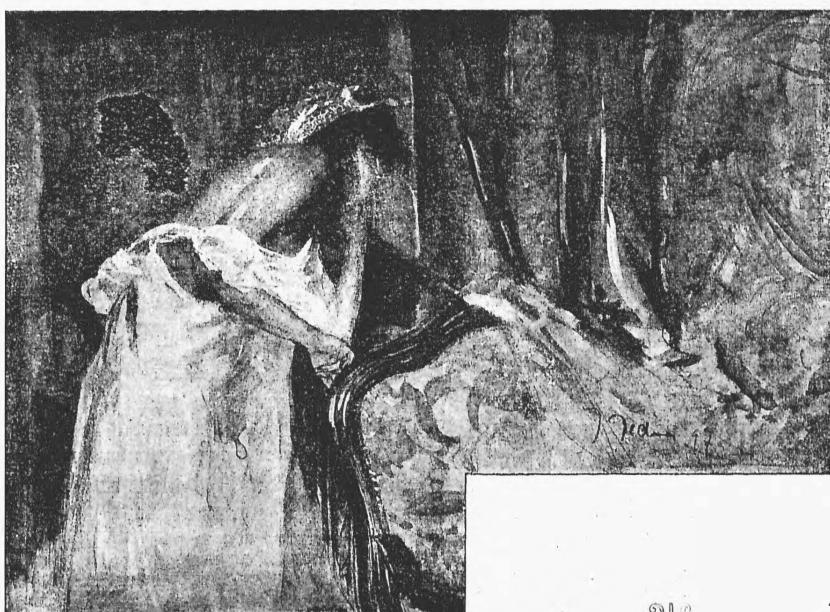
Забавно и въ то же время печально, что у насъ все еще приходится выяснять и доказывать истины, казалось бы, давно уже выясненные и доказанные, ставить и поднимать вопросы, казалось бы, давно уже сданные въ архивъ. Таковы напр. вопросы объ отношеніяхъ этики къ эстетикѣ, о борьбѣ утилитаристовъ съ поклонниками искусства для искусства, которые пришло поднять г. Дягилеву во второй своей статьѣ „Вѣчная борьба“. Несомнѣнно, что Писаревъ и Чернышевскій у насъ еще не переварены. Но неужели же не ясно, что въ разсужденіяхъ поклонниковъ обязательного морального или религиозного утилитаризма въ искусствѣ, какъ и въ послѣднемъ трактатѣ Льва Толстого, говорится о какомъ-то искусствѣ безъ искусства, о кастрированномъ искусстве, лишенномъ самыхъ его существенныхъ элементовъ—элементовъ наслажденія и красоты? Вѣдь нельзя же говорить о цветѣ, какъ о художественномъ созданіи природы, если у него оторвали нарядные лепестки и лишили его аромата, хотя онъ, конечно, можетъ оставаться полезнымъ

растеніемъ. Мнѣ кажется, всѣ эти споры и толки, вся эта борьба съ „чистымъ искусствомъ“, возбуждаются потому, что у насъ до сихъ поръ еще рѣзко въ искусствѣ отдѣляютъ исполненіе отъ содержанія, при чёмъ первое считается только средствомъ, ибо до сихъ поръ еще не признали и не поняли, что именно самое исполненіе, форма заключаютъ въ себѣ вполнѣ самостоятельные эстетические элементы, что живопись сама по себѣ помимо содержанія имѣть несомнѣнное эстетическое значеніе, хотя ясные намеки на признаніе этой самостоятельности были высказаны еще сто лѣтъ назадъ отцомъ нашихъ художественныхъ критиковъ Лессингомъ въ его Лаокоонѣ. Именно, форма искусства есть нѣчто вѣчно живое, вѣчно развивающееся и никогда не укладывающееся въ опредѣленную рамку, именно въ силу этого роль искусства никогда не можетъ быть подчиненной, а всегда будетъ самодовѣльющей. Современные художники глубоко понимаютъ значеніе формы, откуда съ одной стороны именно теперь такое детальное изученіе ея, и съ другой такія интересныя попытки художниковъ-стилистовъ, какъ нашъ Васнецовъ, Цюви де-Шаваннь, финляндскіе, шведскіе и норвежскіе художники, сознательно упрощающихъ ее, чтобы проникнуть въ духъ извѣстной эпохи. Попытки эти обыкновенно принимаются публикой тоже за декадентство, хотя во многихъ изъ нихъ, несмотря можетъ быть на нѣкоторыя крайности, чувствуется нѣчто цѣлесообразное и логичное.

Кличка декадентства въ настоящее время не страшна, ибо она прикрываетъ не одно шарлатанство, а и новые, свѣжіе здоровые побѣги возрождающихся формъ искусства. Шечальниѣ же всего, что очень многіе „жрецы искусства“ и такъ называемыя авторитеты щедро расточаютъ нарождающимся теченіямъ брань и упреки. Это періодически повторяющееся явленіе, когда люди, казалось бы, не глупые, свѣдущіе, честные и искренніе, подъ конецъ своей дѣятельности, яростно нападаютъ на все свѣжее въ искусствѣ, сами уподобляются тѣмъ, съ кѣмъ въ молодости вели борьбу и сами впадаютъ въ настоящій декадансъ, борясь съ „декадентствомъ“. Честь и слава такимъ художникамъ, какъ Рѣпинъ, которые понимаютъ и чувствуютъ вѣчную эволюцію искусства и не боятся признать законность новыхъ вѣяній, хотя бы и не отвѣщающихъ тому, съ чѣмъ они сроднились. Именно въ такомъ отношеніи къ искусству оказывается талантъ этихъ людей, далеко опередившихъ свое время и не старѣющихъ, не смотря на десятки лѣтъ ихъ дѣятельности. Такіе авторитетные голоса необходимы именно теперь, когда у насъ царить такой сумбуръ въ представленияхъ объ искусствѣ, когда бранное слово „декадентъ“ раздается безъ разбора направо и налево, когда такие антиподы, какъ гг. Стасовъ и Буренинъ, сходятся въ своихъ вкусахъ и чуть ли не готовы протянуть другъ другу руки надъ поверженнымъ въ прахъ г. Дягилевымъ, когда не только публика, а и художники съ трудомъ могутъ различить, гдѣ враги и гдѣ защитники искусства.

А. Ростиславовъ.





Памяти умершей.

(Изъ Миоссе).

Она была прекрасна, но какъ ночь,
Нѣмая ночь прекрасной можетъ-быть,
Какъ Микель-Анжело твореніе въ глухой
Часовнѣ мрачной и пустой.

Она была добра; довольно ли одной
Безмолвной милостики мертвай и сухой,
Которую и Богъ не видѣлъ и не зналъ?
И разъ золото замѣнить состраданье?

И на чѣлѣ ея кто могъ ся мечтаниемъ
Угадать? кто мыслъ ся читалъ?
Какъ шумъ ручья, какъ вздохъ его, какъ ропотъ,
Тонъ голоса ея спокойнаго эхуяла;

И кто слыхалъ ея молитвы шопотъ
И взоръ склоненный за молитву прини-
малъ,
Взоръ чудныхъ глазъ ея? и если она
Мольбой
Зовется,—о, тогда молилася она!

Ея улыбка походила на цветокъ,
Который лепестки раскроетъ подъ грозой,
Хо тогчасъ же заянетъ и умретъ,
Склоняясь головкою на тонкій стебель свой.

Не плакала она, но если бы на земль
Она увидѣла небесную росу,
Быть можетъ, благодатная слеза
Тогда холодную ея согрѣла-бы грудь.

Она любила бы, когда-бы слѣпая гордость
Ея безплодной не владѣла бы душой,
Какъ погребальная безмолвная свѣча,
Которая на гробъ лѣтъ свѣтъ напрасный свой...

И умерла она, и словно не жила.
И книга медленно изъ рукъ ея упала,
Которую она передъ собой держала
И где она ни слова не прочла.

Елена Казберукъ.

Московскія письма *).

II.

Первая серъезная побѣда Общедоступно-Художественного театра, это—конечно, постановка „Чайки“. Въ Москвѣ восторгались и постановкой „Царя Федора“, но едва ли сѣдѣтъ придавать особое значение московскимъ восторгамъ такого рода. Принимали пьесу, которая явилась приятной неожиданностью среди пустяковъ современного репертуара, а думали, что принимаютъ исполнение. Увидѣли „настоящія“ кички, охабни, педурно сдѣланыя, хотя и

*.) Критика не можетъ не отличаться субъективностью—вотъ почему редакція охотно помѣщаетъ талантливое письмо г. Арсения Г., касающееся, главнымъ образомъ, „Чайки“ г. Чехова, но съ письмомъ этимъ мы лично нимало не согласны. По нашему мнѣнію, „Чайка“—довольно посредственное произведеніе г. Чехова, вродѣ „Чернаго монаха“ или „Палаты № 6“. Посредственное для такого талантливаго автора, какъ г. Чеховъ, разумѣется. Дѣло совсѣмъ не въ манерѣ, не въ импресіонизмѣ, не въ символизмѣ, не въ подражаніи Метерлинку, а въ томъ, что „нутро“, то самое, что горитъ—что должно горѣть—въ талантливомъ авторѣ—на этотъ разъ како-то вялое. Словно, все это механически соединено для извѣстныхъ цѣлей и для достижениія нѣкотораго настроенія. Ибо когда оно есть, настроеніе, его, нельзя не замѣтить. Вѣдь вотъ „Дядя Ваня“, напримѣръ, какъ плохо ни игралъ его, а онъ кричѣтъ о себѣ. И въ томъ впечатлѣніи, которое „Чайка“ произвѣла, дѣйствительно нельзя не видѣть результатовъ умнаго, талантливаго, быть можетъ, вдохновеннаго режиссерства.

Прим. ред.

мутноватыя декораціи, болѣе или менѣе стройно дисциплинировавшую сценическую толпу, и рѣшили, что видятъ осмое чудо.. Обычное московское недоразумѣніе — слѣдствіе нашей всегдашней московской слабости имѣть все „собственное“. Собственный Одеонъ, собственный Сарес, собственный стиль, собственный Лузэ; надо имѣть и собственныхъ мейнингенцевъ...

По постановкѣ „Чайки“—побѣда иссомиціи. Здѣсь впервые мы увидали и то, къ чему совсѣмъ не привыкли: серъезный и упорный трудъ въ приложеніи къ сценѣ. Но именно—трудъ. Собрать толпу пожарныхъ и разучить ею народную сцену, выдрессировать маленькихъ актеровъ настолько, чтобы они, изображая бургундскихъ или бранденбургскихъ рыцарей, двигались по сценѣ, не путаясь межъ главныхъ персонажей, обставить пріемный залъ или брачное пиршество исторически точными аксессуарами — все это еще не трудъ. Сценическая техника за послѣдніе годы такъ развилаась, что успѣли и въ данныхъ отношеніяхъ выработать и свои рутинные пріемы, и свои шаблоны. Другое дѣло внести въ исполненіе духъ пьесы, заставить артистовъ проникнуться манерой автора, тѣми особенностями, которыя, составляя индивидуальность автора, не позволяютъ играть его пьесу такъ, какъ пьесы другихъ авторовъ.

Г. Немировичъ-Данченко и Станиславскій усвоили актерамъ колоритъ „Чайки“, и мы ясно видѣли, что, игралъ „Чайку“ такъ, а не иначе, актеры всякою другую пьесу будутъ играть иначе. Быть можетъ, въ этомъ и слѣдуетъ искать разгадку, почему въ Москвѣ встрѣтили съ такимъ восторгомъ пьесу, не имѣвшую никакого успѣха въ Петербургѣ.

„Чайка“, собственно, вовсе не пьеса. Мыѣ она представляется чѣмъ-то вродѣ „nocturno“, вылившимся изъ-подъ рукъ талантливаго композитора, переживавшаго моменты

крайниго отчаянія. А во что превращается „nocturno“, если его начать разыгрывать по всѣмъ правиламъ блестящей салонной игры? Съумѣть понять это и съумѣть передать это пониманіе десятку актеровъ, изъ которыхъ къ тому же добрая половина такъ неопытна и такъ мало талантлива, это — уже задача, и разрѣшеніе ея — уже несомнѣнная победа.

О самой „Чайкѣ“ мнѣ не хотѣлось бы писать вовсе: пьеса напечатана давно, давно ее играютъ, маѣніе о ней, слѣдовательно, настолько установленось, что я попеволѣ рискую оставаться при особомъ мнѣніи. Нѣсколько замѣчаній, однако, необходимы, чтобы пояснить только что высказанную мысль.

Нѣть на свѣтѣ людей абсолютно добрыхъ, какъ нѣть и абсолютно злыхъ. Г. Чеховъ, конечно, это знаетъ лучше другихъ, почему яркимъ свидѣтельствомъ служатъ его полные жизненной правды разсказы. Но нѣть также и людей, которые только скучаютъ и только на то и годны, чтобы отправлять своей скучой другъ другу жизнь. Этой несомнѣнной истины авторъ, по крайней мѣрѣ, въ „Чайкѣ“ не признаетъ. Всѣ его герои скучаютъ, каждый болѣзняно тянетъ свою одну болѣзенную ноту, и всѣ поэтому глубоко несчастны. Талантъ автора помогъ ему выдержать до конца каждую изъ этихъ отдѣльныхъ нотъ, но тѣмъ болѣзнянѣе конечный впечатлѣнія... Я выше сказалъ, что пьеса напоминаетъ лирическое музыкальное произведеніе, созданное въ припадкѣ отчаянія. Представьте себѣ, что вся такая пьеса основана на десяткѣ отдѣльныхъ ноющихъ нотъ, которыхъ переплетаются другъ съ другомъ, сталкиваются, расходятся и вновь сходятся и всегда одинъ и тотъ же, страдающія, унылые, точно ихъ мутатъ невыплаканныя слезы, недосказанное горе, недовылившія воспоминанія — съ какой мучительной болью приходятъ они въ слушателѣ! Но вы поддастесь обаянію таланта, и вотъ, вы и сами начинаете чувствовать, какъ живо заговорили въ васъ эти унылые, мучительные ноты.

Но надолго ли? Если вы живете не одними настроеніями, впечатлѣніе скоро разсѣвается, а тогда оно смѣнится уже увѣренностью, что жизнь сильнѣе созданной авторомъ искусственной атмосферы, и что человѣкъ не можетъ весь выиться въ одной болѣзнянной нотѣ.

„Чайка“ цѣликомъ построена на томъ особомъ творческомъ приемѣ, когда авторъ ничего не доказываетъ, даже ничего не изображаетъ, а пользуется всѣмъ — и словами, и положеніями, и всей совокупностью драматической концепції, — чтобы навѣять на зрителя хотя бы часть той атмосферы, которой дышитъ самъ. Тѣмъ непосредственнѣе относится зритель къ такому произведению и въ случаѣ удачи, и въ случаѣ неудачи автора. И въ этомъ, по моему, вторая причина такихъ двухъ различныхъ суждений о пьесѣ — у васъ, въ Петербургѣ, и у насъ — въ Москвѣ. Но тѣмъ, конечно, труднѣе установить настоящее значеніе произведенія.

Когда я смотрѣла „Чайку“, я невольно задавалъ себѣ слѣдующій вопросъ. Да, эти люди, которые вотъ ходятъ предо мною, сидятъ, разговариваютъ, это — несомнѣнно живые люди, плоть отъ плоти вашей, кровь отъ крови нашей, носящіе въ себѣ наши добродѣтели и пороки, это — мы сами. Но почему имъ такъ болѣно при каждомъ движѣніи? Отчего, сходясь вмѣстѣ, они начинаютъ страдать тамъ и тогда, когда и гдѣ мы, такие же, какъ они, не страдаемъ? Вѣдь они — мы, и мы — они, что не подлежитъ со-

мѣнѣнію... И только въ послѣднемъ актѣ отвѣтъ сталъ ясенъ. Авторъ, бера каждого изъ наст., съ обычнымъ мастерствомъ приступаетъ къ точному анализу. Но снявъ съ насъ верхніе покровы и обнаживъ только нервы наши, онъ увлекся своими личными настроеніями и потому пускается на сцену въ томъ видѣ, въ какомъ мы лежали на его операционномъ столѣ... Больно! Нельзя ниходить, ни сидѣть, ни говорить спокойно! Больно дотронуться до себя, до всякаго, съ кѣмъ авторъ столкнулся насъ. Физически больно! Каждое движѣніе — мука!. Тѣмъ дальше, тѣмъ болѣ усиливается... Чувство боли гущается въ особый міръ страданій, и зрительный залъ невольно заражается этимъ міромъ... Человѣкъ-аккордъ превращается въ человѣка-ноту, физическая страданія принимаютъ все эпаченіе страданій душевныхъ, то, что въ каждомъ изъ насъ только въ зародышѣ, раздувается въ основу человѣческой жизни, но мы этого уже не видимъ, и, въ концѣ концовъ, мы теряемъ всякое представление о томъ, что правда, и что только навѣяно намъ, какъ оптический обманъ, какъ внушенная идея...

Хорошо ли это, или дурно — едва ли стоитъ на такомъ вопросѣ останавливаться. Г. Чеховъ не принадлежитъ къ числу писателей, къ которымъ могла бы быть примѣнена подобная элементарная мѣрка. Хорошо все то, что талантливо, а „Чайка“ — произведеніе удивительно талантливое. Не хорошо все то, что даетъ читателю или зрителю искусственное представление о жизни, а „Чайка“ грѣшить въ этомъ смыслѣ отъ начала до конца. Но несомнѣнно одно: до г. Чехова ни одинъ русскій писатель не возвысался до такой художественности при передачѣ своихъ субъективныхъ настроеній, испытываемыхъ имъ при мысли о человѣкѣ и смыслѣ человѣческой жизни. Это не картины жизни, не философская система, не аналитъ даже. Это именно — настроеніе при извѣстномъ рядѣ мыслей. Особенность, которая, по моему, отличаетъ музыкантовъ отъ художниковъ всякаго иного рода „оружія“.

Теперь, быть можетъ, уже понятѣе сказанное выше объ исполненіи. Режиссеръ съумѣлъ при-

дать спектаклю тотъ особый колоритъ, который одинъ могъ служить истиннымъ фономъ для мелодіи отчаянія, вырвавшейся у А. П. Чехова. Какой именно колоритъ — точно опредѣлить трудно. Режиссеръ долженъ былъ его угадать, мы — зрители его чувствовали. Мягкие расплывающіеся полутона — какъ фонъ, и первый планъ — подернутый легкой дымкой, которая не давала ни одной краскѣ вылезать впередъ. Отъ начала до конца это было выдержано, и пьеса произвѣла тѣмъ большее впечатлѣніе.

Подходя къ вопросу ближе, скажу такъ: пьеса написана условно — она условно хороша и условно не хороша, смотря по тому, какъ кто смотрѣтъ на человѣка. — по въ предѣлахъ условности, она художественно цѣльна. Режиссеры цѣликомъ приняли условія автора, актеры цѣликомъ пришли въ руки режиссеровъ, и создалось исполненіе, которое явилось не простымъ истолкованіемъ пьесы, а ея воплощеніемъ.

Но это не мѣшало отдѣльнымъ исполнителямъ быть слабѣе общаго топа. Напримеръ, г-жа Роксанова, игравшая Зарѣчную. Если бы такую актрису выпустили и въ менѣе отвѣтственной роли, она, вѣроятно, и тамъ была бы не на мѣстѣ. Одна сплошная гримаса: гримаса любви, гримаса отчаянья, гримаса восторга, какой-то рѣдкій по количеству запасъ гримасъ, причемъ каждая сопровождается или горловымъ выкрикомъ, или скучнымъ шопотомъ. Хороша была за то г-жа Киппиеръ въ роли матери, хотя



Софія Ментеръ.

лучше всего удастся ей третій актъ. Отмѣтишь сющ г. Мейерхольда и г. Вишневскаго. Обидно только, что почти у каждого изъ артистовъ этой труппы замѣчается непремѣнно какой-нибудь свой акцентъ, обыкновенно только мѣшающій ему.

Въ заключеніе, сколько словъ о послѣдней повинкѣ Малаго театра — о „Разгромѣ“ г. Гнѣдича. Пьеса идетъ вѣдѣ уже давно, у насъ она шла въ первый разъ на праздникахъ. Успѣха никакого. Отчасти въ этомъ виновата сама пьеса — рядъ сценокъ, пасконо спичекъ между собой и кое-какъ приметныхъ къ заглавию, — отчасти и разочарование публики, которая, увидѣвъ на афишѣ двѣнадцатый годъ и Наполеона Бонапарта, императора французовъ, ждала, по мѣстѣмъ мѣрѣ, Бородинской битвы. За кулисами, правда, время отъ времени гремѣли выстрелы, но Наполеонъ явился только на минуту и то въ послѣднемъ актѣ, а Бородинской битвы такъ до конца и не было. Хорошо играли гг. Ленскій и Правдинъ — однако, и это не помогло. Вѣроятно, пьесу скоро снимутъ съ репертуара.

А хорошо пока одному только г. Коршу. Такая ли пьеса эта „Чайка“, или совсѣмъ не такая, выдвигаются ли молодые силы „Нового“ казенного театра, или не выдвигаются, — г. Коршъ ставить себѣ „Контролера спальни“ вагоновъ и „Измайлова“ и дѣлаетъ сборъ за сборомъ. Сегодня — патріотизмъ г. Бухарина, завтра — фарсъ до коликъ въ животѣ, и... и все хорошо, что хорошо кончается.

Арсений Г.



ХРОНИКА театра и искусства.

Государь Императоръ, по всенодданийшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 24 декабря 1898 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе почетнаго званія заслуженнаго профессора бывшему директору с.-петербургской консерваторіи, сверхътатному профессору 1-й степени Іогансону, во вниманіе къ его долголѣтній и полезной педагогической дѣятельности и существеннымъ услугамъ музыкальному искусству.

* * *

Большая и довольно странная новость. Говорятъ, будто Е. П. Карповъ, слухи объ уходѣ котораго, кстати сказать, едва ли на чемъ нибудь основаны, намѣренъ возбудить ходатайство о введеніи разовыхъ въ Императорскихъ театрахъ. Отказываемся вѣрить этому слуху: можетъ быть, такая система удобна для режиссера, потому что всегда будутъ на готовѣ желающіе и даже алкающіе играть, но это система ведостойная и ни въ одномъ серьезному театрѣ не допустимая.

* * *

Итоги года. Рѣчь идетъ пока о цифрахъ. Въ 1897 году общая сумма сборовъ по Александрийскому театру была 280,044 р.; въ 1898 г. — 299,132 р. 3 к. Въ 1897 г. Александрийскій театръ давалъ на кругѣ по 1,359 рублей, а Михайловскій по 710 рублей; въ 1898 году Александрийскій театръ далъ 1,375 рублей, а Михайловскій — 765 рублей... Mein Liebchen wass willst-du noch mehr? Въ теченіи 1898 г. удалось (это выраженіе очень недурно звучитъ въ славословящей замѣткѣ газеты) поставить 26 новыхъ пьесъ: 1 трагедію, 7 драмъ, 9 комедій или пьесъ и 9 водевилей или шутокъ. Возобновлено пьесъ, нешедшихъ болѣе 5-ти лѣтъ — 12: драмъ — 1, комедій — 4, водевилей, шутокъ и сценъ — 7. Изъ текущаго репертуара за послѣднія 5 лѣтъ возобновлено: 1 трагедія, 13 драмъ, 21 комедія, шутокъ и водевили.

Дебютировали въ минувшемъ году г-жи Тираспольская и Шувалова. Приняты: г-жи Шувалова, Котляревская, Еенина, Горская и г. Ходотовъ. Уволены: г-жи Кованько, Миличъ, Владимирова, гг. Лирский и Добровольскій.

Равновѣсие между принятymi и уволенными — полное...

* * *

† К. И. Эверарди. 5-го января скончался одинъ изъ извѣстѣйшихъ артистовъ-педагоговъ — профессоръ московской консерватории, К. Эверарди.

Камилль-Франсуа Эверардъ (Evraud), — по сценѣ Эверарди, — родился въ Бельгіи, въ провинціи Намюръ, 15-го ноября 1825 года. Отецъ его, по профессіи фармацевтъ, принадлежалъ къ родовитой бельгійской буржуазіи.

Въ мальчишкѣ рано проявилося стремленіе къ музыкальному искусству. Какъ и всякому истинному артисту, юному музыканту пришлось вынести не мало борьбы съ воззрѣніями семьи на артистическую карьеру вообще. Девятнадцати лѣтъ онъ блестательно окончилъ курсъ классической гимназіи въ Динарѣ, съ первой наградой по математикѣ, и поступилъ въ горный институтъ въ Льежѣ. Въ этомъ городѣ будущій маэстро столкнулся съ профессоромъ консерваторіи Дюпономъ, который былъ восхищены могучимъ голосомъ юноши и опредѣлилъ его въ консерваторію.

Черезъ два года Эверарди переселился въ Парижъ. Тогдашній директоръ Парижской консерваторіи Оберь выхлопоталъ Эверарду, записавшемуся въ то же время, по настоянию отца, на медицинской факультетѣ университета, стипендию французского правительства, что было однѣмъ изъ рѣдкихъ исключений для иностранца. Тутъ начались занятія у Поншара, Куна, Габенека и знаменитаго Гарсіа. Менѣе чѣмъ черезъ годъ Эверарду было предложено пѣть на выпускномъ конкурсе Парижской консерваторіи, и онъ вышелъ изъ конкурса обладателемъ первой преміи консерваторіи. Этотъ успѣхъ былъ круиномъ шагомъ въ жизни артиста: онъ прекратилъ его занятія въ университетѣ, вернувшись къ расположенію отца, и наконецъ, поднялъ его энергию къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Несмотря на предложенные ему ангажементы, Эверардъ мечталъ о дебютахъ въ Италии, куда вскорѣ и отправился. Съ этого времени мы находимся его фамиліи на итальянской ладѣ, и начинается блестящая сценическая карьера Эверарди. Съ 1849 по 1857 годъ Римъ, Неаполь, Туринъ, Вѣна, Парижъ, Лондонъ восхищаютъ талантливъ артистомъ, и имя его растетъ въ музыкальномъ мірѣ.

Въ 1857 году Эверарди получилъ ангажементъ въ итальянскую оперу въ Петербургѣ. Сначала онъ пѣлъ вторыя партіи, по потомъ скоро занялъ первенствующее мѣсто среди своихъ соловищъ. До 1868 года артистъ пѣлъ зимній сезонъ въ Петербургѣ и весенний въ Вѣнѣ. Петербургскія карьеры Эверарди представляютъ рядъ триумфовъ. За время службы артистъ выступалъ въ огромномъ количествѣ отечественныхъ партій; ему, между прочимъ, принадлежитъ честь создания въ Россіи партіи Мефистофеля въ „Фаустѣ“ Гуно. Въ 1868 году антре-приза итальянской оперы въ Петербургѣ перешла въ частную руки, и Эверарди покинулъ Петербургъ, подписанъ блестящий ангажементъ въ Мадридѣ и Кадисѣ. Черезъ два года, однако, онъ снова былъ приглашенъ упр. консерваторіи Азанчевскимъ, по иниціативѣ Великой Княгини Елены Павловны, въ Петербургѣ профессоромъ консерваторіи. Вмѣсть съ этой дѣятельностью Эверарди соединилъ опять



† Камилль Эверарди.

и сцену, которую окончательно оставил для педагогическихъ занятий только въ 1875 году.

Профессоромъ петербургской консерваторіи Эверарди состоялъ до 1888 года, когда по разнымъ причинамъ предложилъ принять профессуру въ Кіевѣ, въ музикальномъ училищѣ мѣстного отдѣленія Императорскаго Музикального Общества; тамъ онъ пробылъ вплоть до 1898 года, а съ января былъ приглашенъ профессоромъ въ московскую консерваторію.

Среди его учениковъ назавемъ Стравинскаго, Тартакова, Павловскую, Павловскаго, Махину, Усатова, Михина, Любина, Юневичъ, Зарудную, Матчинскаго, проф. Габеля, Самуся, Аленникова, Лодія, Суриценко, Звягину, Кутузову, Славину, Дейшу-Сіоницкую, Зайнчиковскую, Будкевичъ, Силину, Майбороду, Донскаго, Трезвинскаго и другихъ. Этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы показать значение покойнаго для русскаго музыкального образования.

Эверарди производилъ на всѣхъ впечатлѣніе съ нимъ очень симпатичное впечатлѣніе. Всесторонне развитой и образованный живой человѣкъ, артист до мозга костей, всегда веселый, добродушный и остроумный, опь отличался человѣческимъ отношеніемъ ко всѣмъ, неутомимою энергией и горячностью къ дѣлу. Его имя будетъ памятно всѣмъ, кто зналъ его, больше же всего тѣмъ, кто подъ его руководствомъ вступилъ на артистическое поприще.

* * *

† Н. П. Рошинъ-Инсаровъ. Номеръ напѣтъ ужъ былъ заключенъ и составленъ, когда изъ Кіева пришла телеграмма о страшной драмѣ въ „Петербургской гостинице“. Мужъ А. А. Пасхаловой, архитекторъ Маловъ, убылъ выстрѣломъ изъ револьвера одного изъ лучшихъ русскихъ артистовъ, Рошина Инсарова, имя которого известно всей театральной Россіи. Нашимъ читателямъ нѣть надобности пояснять, какое крупное дарование сошло столь трагически въ могилу. Рошинъ-Инсаровъ былъ артистъ большого таланта: въ этомъ вся его индивидуальность, вся его школа. Его школа—была онъ самъ, съ простотой доведенной до грациіи, съ огонькомъ, который, вспыхивая гдѣ-то глубоко, внутри его, освещалъ и согрѣвалъ его сценическія рѣчи. Какъ актеръ на роли фатовъ, Рошинъ-Инсаровъ былъ не-подражаемъ, и только одинъ Далматовъ могъ съ нимъ конкурировать. Но фаты Далматова и фаты покойнаго Рошина-Инсарова были совсѣмъ разные: фаты г. Далматова—это люди, страдающіе раздраженiemъ плѣнной мысли, люди наружного блеска, скептицизма и тонкой проницательности; фаты покойнаго Рошина были того же разряда, что доны-жуаны Байрона. Въ нихъ была страсть, правда, легкая, моментальная, вспыхивающая, какъ зарница, бравшая цѣлую жизнь, дарившая одними днями, но все-таки увлекательная и на минуту искренняя и беззавѣтная. Отъ того Рошинъ былъ такъ хорошъ въ Апанинѣ. А какой это былъ Глумовъ! И вообще, какой это былъ хороший, и по нынѣшнимъ временамъ рѣдкій актеръ!..

Рошинъ-Инсаровъ, по рождению, принадлежалъ къ хорошей дворянской фамиліи, состоялъ раньше въ гусарахъ, много и долго игралъ въ любительскихъ спектакляхъ, а потомъ посвятилъ себя сценѣ. Дальнѣйшая карьера покойнаго всѣмъ хорошо известна: театръ Корша, и всѣ, болѣе или менѣе извѣстныя сцены—такова была арена покойнаго. Игралъ онъ и въ Петербургѣ, въ „Озерахъ“, кажется лѣтомъ 1889 г.

Въ Москвѣ у покойнаго осталась жена и дочь, пользовавшіяся его материальной поддержкой. Покойному было лѣтъ 40 съ небольшимъ.

Заканчивалъ нашу небольшую замѣтку о мертвомъ, скажемъ, нѣсколько словъ о живыхъ, хотя бы о тѣхъ маленькихъ дѣтихъ, которыхъ оставилъ убийца. Не вдаемся до поры до времени въ оѣнку мотивовъ убийства. Петербургскій театральный кружокъ еще хорошо помнитъ закулисныя волненія Малаго театра, сезона 1885—96 г., когда А. А. Пасхалова, случалось, являлась въ театрѣ не иначе, какъ подъ специальнѣмъ конвоемъ, охранявшимъ ее отъ возможныхъ инцидентовъ. А между тѣмъ не было, въ спокойномъ состояніи, болѣе милаго, честнаго и обходительнаго человѣка, какъ г. Маловъ, пока имъ не овладѣвали периоды безумныхъ вспышекъ...

Жестокая, беспощадная драма...

* * *

Опера М. М. Иванова „Забава Путятишна“ имѣла на сценѣ Московскаго Нового театра весь ма изрядный успѣхъ. Авторъ сталъ вызывать послѣ первого акта и поднесли нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ „отъ друзей петербургской прессы“. Но если въ петербургской прессѣ у М. М. Иванова много друзей, то въ московской—вѣроятно,

не мало враговъ. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, музикальный критикъ „Нов. Дня“.

Опера „Забава Путятишна“ М. М. Иванова, поставленная на сценѣ Нового театра, является новымъ доказательствомъ поверхностнаго и фальшиваго отношенія казенное оперной сцены къ задачамъ русскаго искусства. „Забава Путятишна“ г. Иванова есть, на нашъ взглядъ, сочиненіе лишенное всякаго серьезнаго художественнаго значенія и написанное лишь въ разсчетѣ на внѣшнія сценическія условія и въ угоду разнообразнымъ вкусамъ средняго разряда театральной публики.

И далѣе:

„Забава Путятишна“ относится къ настоящей оперѣ-былинѣ такъ же, какъ современная загородная дача къ древнему терему, или какъ липретто г. Буренина къ самой былинѣ.

Музыка г. Иванова... Что сказать обѣ ней? Это такая же смесь направлений и стилей. Здѣсь есть кое-что, напоминающее фабричныя пѣсни и интернациональные хоры, есть и заимствованія у Чайковскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова, Мейербера, Масканы и другихъ.

Есть и ариозный речитативъ послѣдней формациіи, но необыкновенно отрывочнаго и мѣстами удивительно натянутаго, въ смыслѣ декламаціи. Есть и попытки къ инструментальной характеристики; такъ, напримѣръ, пѣснѣ Ильи Муромца сопровождаются тяжелой и неуклюжей фигурой въ контрабасахъ, но всѣ эти попытки, а въ особенности комическое тріо по словъ-монголовъ ограничить съ приемами опереточными.

Наконецъ, въ заключеніе, критикъ, не безъ ядовитойронии, замѣчаетъ:

Мы охотно уступили бы честь постановки оперы Петербургу, который, судя по выраженному количеству поднесенныхъ имъ автору вѣнковъ сочувствію, способенъ выше оцѣнить заслугу автора, нежели мы москвики.

* * *

Театральное общество устроило 2 января блестящій литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Дворянскаго Собрания. Вечеръ удался во всѣхъ отношеніяхъ. Программа нестѣрѣла именами артистовъ Императорскіхъ театровъ, такъ рѣдко появляющихся въ послѣднее время на эстрадѣ. Неудивительно, конечно, что публики собралось можно: сидѣли, гдѣ только было возможно и стояли, гдѣ даже не было возможности. Концертъ начался въ началѣ девятаго часа и кончился къ часу ночи: публику, положительно, „запѣли“ и „засчитали“. Изъ оперныхъ артистовъ выступили: г.-жи Фигнеръ, Мравина, Кузя, Каменская, Михайлова, Козаковская, гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Тартаковъ, Стравинскій, Серебряковъ, Майборода, такъ сказать—„звѣзды“ Мариинскаго театра. Г. Фигнеръ, по обыкновенію, блеснулъ выразительной фразировкой, г. Тартаковъ—прелестными нюансами, г. Серебряковъ—мощнымъ голосомъ, г. Стравинскій—художественной цередачей, г.-жи Мравина и Михайлова—изящной колоратурой, г.-жа Каменская—музыкальностью отдельки, г.-жи Кузя и Козаковская—красивыми голосами... Большой успѣхъ выпалъ на долю г.-жи Чiarлоне, исполнившей нѣсколько номеровъ на арфѣ. Представителями Александринской труппы были г.-жи Савина, Комиссаржевская, Потоцкая, г. Давыдовъ, Варламовъ и Дальский. Чрезвычайно понравилось драматическое тріо: г.-жи Савина, Варламовъ и Давыдовъ, прочитавшіе сцену Чичиковъ у Бетрищева. Г.-жи Савина, Потоцкая и г. Дальский читали отдѣльно. Въ нѣкоторомъ родѣ „поучеантѣ“ вечера, вызвавшее шумные аплодисменты, было чтеніе г.-жи Комиссаржевской стиховъ Апухтина подъ аккомпанементъ арфы г.-жи Чiarлоне. Сборъ съ концерта громадный; говорятъ около шести тысячъ. Мы рады этому успѣху Общества и думаемъ, что подобные концерты могли бы устраиваться нѣсколько разъ въ годъ. Участие „казенныx“ артистовъ въ концертахъ, какъ извѣстно, возбраняется. На этотъ разъ, однако, разрѣшеніе было получено и надо полагать, что и впредь, въ немъ отказа не будетъ. У насъ нѣть особаго „министерства искусствъ“. Судьбу актерской братіи вѣдаетъ только „Театральное Общество“. Дѣло настолько важное и насущное, что нельзя сомнѣваться въ сочувствіи тѣхъ, чье сочувствіе такъ много можетъ значить.

Гр. В-ий.

* * *

Выяснились слѣдующіе бенефисы: М. Г. Савина возобновляетъ „Невольницу“ Островскаго, М. И. Писаревъ, вместо „Возчикъ Геншеля“, по разнымъ причинамъ, ставитъ опять Островскаго, „Сердце не камень“; наконецъ, г.-жа Комиссаржевская возобновляетъ „Галанты и поклонники“. Выходитъ бенефисъ Островскаго...

Отмѣтимъ еще 26 января представление „Женитьбы Бѣлугина“, въ пользу семейства покойнаго Н. Я. Соловьевъ, съ прежнимъ и, можно сказать, славнымъ составомъ исполнителей.

* * *

„За честь отца“. (Мелодрама).



Василеостровский театръ.

Въ театръ, имени которого мы не желаемъ называть, какъ-то чудомъ попала пьеска совсѣмъ иного характера, по справедливости достойная быть отмѣченной. Это — «Графъ ди-Спандола», комедія водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ изъ средневѣковой жизни. Написана она въ стилѣ итальянскихъ «легкихъ» комедій XVIII вѣка, и представляетъ много интереснаго и оригинальнаго, какъ по основному сюжету, такъ и по развитию его. Тема «Графа ди-Спандола» является какъ бы продолженiemъ темы мольеровскаго «Мнимаго Больного». Графъ въ своей мнительности дошелъ до того, что не только считаетъ себя неизлечимо больнымъ, но въ концѣ концовъ думаетъ даже, что онъ уже умеръ. На этой канве написанъ рядъ игривыхъ и веселыхъ сценокъ. Въ пьесѣ много характернаго, средневѣковаго, представляющаго значительный вѣтшний интересъ. Такъ въ первомъ дѣйствіи мы видимъ точное воспроизведеніе средневѣковаго подіума, на которомъ труппа комедіантовъ разыгрываетъ «комедію о храбромъ рыцарѣ Пиратѣ и прелестной дѣвицѣ Тизбѣ», въ третьемъ дѣйствіи — сцена испытанія супружеской вѣрности каленымъ жезломъ и т. д.

К. А-вз.

* * *

Новые подвиги Московского Литературно-театрального комитета! Забракованы новая пьеса г. Тимковскаго «Преступленіе» и «Девятый валъ» г.-жи Смирновой. Одобрена, вѣроятно, г.-жа Воскресенская или Вознесенская.

И кому это могла прийти въ голову такая несчастная мысль: посадить въ Литературно-театральный комитетъ профессоровъ? Профессора лекціи читаютъ, и наукамъ обучаютъ...

* * *

Юбилейный спектакль въ честь Н. Н. Синельникова, состоявшійся 24 января, былъ, какъ видно изъ присланной намъ программы, составленъ очень разнообразно и содержательно. Даны были: 4-й актъ «Доходнаго мѣста», «Разговоръ двухъ дамъ» (сцена изъ «Мертвыхъ душъ»), «Школьная пара», «Мертвые души» (4-я сцена) и наконецъ «Ревизоръ» (3-й актъ). Самъ юбиляръ игралъ гимназиста Степу, Мижуева и Хлестакова.

* * *

Заграницное турнѣ г.-жи Савиной можно считать вполнѣ обезпеченнѣмъ. М. Г. Савина получила приглашеніе отъ весьма значительныхъ и влиятельныхъ въ театральномъ мірѣ берлинскихъ сценическихъ дѣятелей. Маршрутъ такой: 10 спектаклей въ Одессѣ, оттуда въ Берлинъ («Lessing Theater») 7 спектаклей, Прага 3—5 спектаклей, и затѣмъ либо Вѣна и Буда-Пешть, либо Дрезденъ. Въ составъ труппы входятъ гг. Горевъ, Аполлонскій, Долиновъ, Юрьевъ, Озаровскій, Осокинъ, г.-жа Стравинская и мн. др. Репертуаръ еще не вполнѣ установленъ: вѣроятно, «Отчий

домъ», «Фру-Фру», быть можетъ «Татьяна Рѣпина». Трудность заключается въ необходимости играть знакомыи пьесы на незнакомомъ языке.

Во всякомъ случаѣ, это знаменательное событие въ исторіи русскаго театра.

* * *

Въ Василеостровскомъ театрѣ капитальной пьесой, или какъ пришло выражаться, «звездой» сезона оказывается мелодрама «За честь отца», переводъ съ французскаго В. Ильинова. Мелодрама, если судить разумѣется, не свыше мелодрамы, захватываетъ вниманіе зрителей съ первого же акта: несчастное совпаденіе обстоятельствъ заставляетъ идти на катеру человека, обвиняемаго въ убийствѣ, имъ не совершившемъ. Честь этого несчастнаго, въ концѣ концовъ, возстановливаетъ его сынъ; какимъ образомъ — мы не будемъ передавать подробно: мелодрама слишкомъ сложна, и въ этомъ для мелодрамы, ея достоинство.

«За честь отца» состоитъ изъ 6-ти картии и пролога. Въ Василеостровскомъ театрѣ эта пьеса поставлена прекрасно для нея написаны новые декорации, спиты костюмы, сдѣланы специальная бутафорія. «За честь отца» имѣеть въ нынѣшнемъ сезонѣ такой же успѣхъ, какой въ прошломъ имѣли «Дѣти улицы». Дирекція Василеостровскаго театра даетъ эту пьесу каждыи четвергъ. Успѣхомъ въ этой пьесѣ пользуется г.-жа Недѣвѣцкая, гг. Лирскій-Муратовъ и Мартыновъ.

* * *

Для пятаго очереднаго спектакля Драматическій Кружокъ поставилъ драму «Самородокъ». Исполненіе нельзя назвать особенно удачнымъ. Ставить «Самородокъ» можно только при соотвѣтственныхъ силахъ, а на этотъ разъ, къ сожалѣнію, ихъ не оказалось.

Роль Агафьи Петровны исполняла г.-жа Отрадина. Въ Агафьѣ Петровнѣ основная черта — это обаяніе, которое она производить на всѣхъ, отъ мала до великаго. Агафья Петровна та же «Маюшка». Въ ней и женственность, и чары молодости, и красота рѣшимости. Г.-жа Отрадина свободнѣе другихъ держитъ себя на подмосткахъ и отчетливѣе говорить; за то мало искренности и полное отсутствіе женскаго обаянія. Недуренъ былъ г. Муравьевъ въ роли Обертышева. Слѣдовало бы только разнообразить тонъ и модуляціи голоса.

За «Самородокъ» ставили изящную пьесу «Подъ душистою вѣткой сирени». Елену играла г.-жа Сѣверова, какъ говорятъ, новая артистка Кружка и произвѣла очень выгодное впечатлѣніе искреннимъ и сердечнымъ тономъ. Думаемъ, что въ ея лицѣ Кружокъ пріобрѣлъ хорошую *ingénie comique*.

Гр. В.

* * *

Н. Н. Синельниковъ подалъ заявленіе въ таганрогскую управу о желаніи его взять таганрогскій театръ на предстоящій сезонъ. Театральная комисія, разсмотрѣвъ предложеніе г. Синельникова и другихъ антрепренеровъ, въ принципѣ избрала г. Синельникова, но постановила обратиться въ городскую думу съ просьбой разрешить перестройку театра возможно скорѣе и затѣмъ сдать его въ аренду за 2000 руб. Коммісія полагаетъ, что при увеличии мѣстъ въ театрѣ г. Синельниковъ найдетъ возможнымъ платить городу 2 тыс. руб. Деньги же эти необходимы на уплату процентовъ и погашенія долга въ 2000 руб., необходимыхъ для перестройки театра.

* * *

Саратовскія газеты передаютъ о пожарѣ «Центральной Гостиницы» въ ночь на 30 декабря, едва не стоявшей жертвой оперныхъ артистамъ, жившимъ въ этихъ номерахъ. Загорѣлось подъ лѣстницей, где помѣщались ламповщики и швейцары и кромѣ того находился складъ различныхъ ненужныхъ вещей и платья. Всѣ въ гостинице спали глубокимъ сномъ. Сильный дымъ быстро наполнилъ коридоры втораго и третьаго этажей и проникъ въ номера. Испуганные обитатели гостиницы бросились выбывать окна. Нѣкоторые стали выпрыгивать на мостовую. Въ числѣ ихъ былъ артист Виноградовъ (баритонъ), который получилъ сильные ушибы рукъ и ногъ; говорятъ, что онъ отдѣлся такъ благополучно оттого, что упалъ не прямо на землю, а на другого человѣка, которому переломилъ руку. Артист Тарасовъ (басъ), пробужденный дымомъ, бросился съ женой и сыномъ по коридору, но сильный дымъ заставилъ ихъ вернуться назадъ, и тогда г. Тарасовъ выбилъ стекла. Онъ собирался выпрыгнуть изъ окна, но тутъ, къ счастью успѣли подставить лѣстницу. Г. Тарасовъ поранилъ только руку о стекло. Поврежденіе уха получилось его маленькій сынъ. Многіе артисты и артистки въ одномъ бѣльѣ были спущены изъ оконъ по простынямъ. Пожаръ былъ вскорѣ потушенъ.

* * *

М. Ф. Кшесинская занемогла: у нея болитъ нога, что заставитъ, вѣроятно, артистку отдохнуть нѣкоторое время.

* * *

Премія имени Грильпарцера 2,400 гульденовъ, присуждена Гауптману за его пьесу «Возчикъ Генцель».

* * *

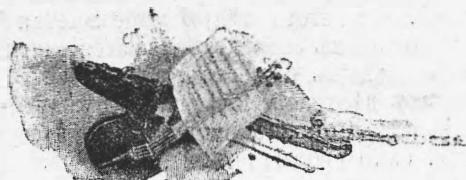
24 декабря, по инициативѣ М. Г. Савиной, въ Уѣжющѣ для престарѣлыхъ артистовъ, былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ приняли участіе многіе Императорскіе артисты. Призрѣваемые были въ восторгѣ.

* * *

Мы получили слѣдующую замѣтку:

«Мнѣ бы хотѣлось указать на нѣкоторую неточность въ постановкѣ «Царя Бориса». Сцена у разбойниковъ поставлена такъ, какъ будто дѣло происходитъ лѣтомъ. Кругомъ лѣтній пейзажъ, легкая одежда. На самомъ же дѣлѣ, время дѣйствія по пьесѣ, зимнее. Съ исторической точки зрења, эта сцена является совершеннымъ анахронизмомъ, ибо Хлопка Косолапъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ еще до появленія самозванца. Но не въ этомъ сейчасъ вопросъ. По пьесѣ Самозванецъ уже появился на Руси. Появление же Самозванца въ русскихъ предѣлахъ состоялось въ октябрѣ. Точно также и показанія Шуйскаго народу на Красной площади по пьесѣ надо отнести скорѣе къ зимѣ; во всякомъ случаѣ ранѣе самой ранней весны сцена не могла происходить, такъ какъ всѣ события, отъ вторженія Самозванца до смерти Бориса, охватываютъ время отъ октября до апрѣля. Такимъ образомъ эту сцену правильнѣе было бы измѣнить; не въ лѣтнихъ костюмахъ, а въ шубахъ долженъ быть на сценѣ народъ. Это мелочи, пожалуй, но вѣдь о сотняхъ другихъ мелочей считали же нужнымъ подумать. И о костюмахъ, и обѣ обстановкѣ. Хотя для публики такая тонкая историческая точность всетаки остается непонятой и неоцѣненной, а подобная крупная несуразности въ постановкѣ бросаются въ глаза».

Jo.



Г-нъ Падеревскій.

ЗАМѢТКИ.

Мнѣ что-то давно хотѣлось сказать по поводу крайне интересныхъ и содержательныхъ статей Ю. Э. Озаровскаго „О драматическомъ образованіи въ Россіи“... Что именно?.. Ахъ, да! Да вотъ по поводу того, что какъ ни тщательно составленъ курсъ наукъ по предложеннымъ авторомъ программамъ, все же въ немъ есть существенный пробѣлъ. Не упомянуто о двухъ научныхъ дисциплинахъ, безъ которыхъ сценический дѣятель, будь онъ хотя семи пядей во лбу, далеко не уйдетъ. А между тѣмъ, если эти дисциплины изучены, то можно обойтись безъ всякихъ другихъ наукъ и даже совершенно безъ всякаго таланта.

Эти дисциплины суть: наука сценическаго нахальства, во-первыхъ, и искусство саморекламированья, во-вторыхъ.

И подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, о которыхъ такъ подробно и обстоятельно говорилъ г. Озаровскій, — изученіе нужно начинать уже на первомъ курсѣ. Первый годъ — теоретический курсъ простого сценическаго нахальства; второй — теоретический курсъ сложнаго сценическаго нахальства; наконецъ, третій годъ — практическія упражненія по сценическому нахальству и краткія жизнеописанія знаменитыхъ сценическихъ нахаловъ.

То же самое или даже еще въ большей мѣрѣ относительно искусства саморекламированья. Годъ первый — реклама простая, газетная, презрѣнная; годъ второй — реклама благотворительная: а) устройство благотворительныхъ спектаклей, съ бесплатными по энѣмъ публикаціями въ газетахъ и съ боль-

шими буквами для фамилии рекламируемаго, б) общеніе съ учащейся молодежью и в) живыя картины. Наконецъ, годъ третій („omnis universitas“) — спектакли благотворительно-литературные: а) спектакли въ память Пушкина, б) въ память Цербины, в) въ честь интервьюверовъ и отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія, г) съ французскими стихами, фиміамъ и корицею. И затѣмъ уже разныя практическія упражненія, въ самыхъ произвольныхъ комбинаціяхъ, какъ и полагается при экзаменаціонныхъ заданіяхъ.

До какой степени потребность въ этихъ наукахъ ощущительна для сценическаго дѣятеля — едва ли нужно доказывать. Я это ясно вижу по той стремительности, съ которой наяя представительницы сцены спѣшатъ другъ друга перешеголять въ смыслѣ благотворительности. Едва одна успѣла сыграть въ залѣ Кононова въ пользу беззріотныхъ сиротъ охтенскихъ молочницъ „Надо разводиться“, какъ другая въ залѣ Благороднаго собранія играетъ въ пользу физической обсерваторіи „Даму съ камелиями“, а третья, уже въ залѣ Павловой, хотя сама не играетъ, но стоитъ за кулисами, и при вспышкахъ магнія, приговаривается: „живѣ! живѣ!“ за что и носить съ достоинствомъ почетный титулъ устроительницы. Ра-



Какъ вдохновляются нынѣшніе музыканты.

(„Jugend“).

зумѣется, все это ничто въ сравненіи, напримѣръ, съ тѣмъ, ежели взять сразу, широкимъ взмахомъ, всю хрестоматію Галахова и устроить циклъ благотворительно-литературно-хрестоматическихъ вечеровъ, соотвѣтственно одобренной ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія программъ. Ну, да вѣдь, и то сказать, это задача титаническая, и я ее не смѣю рекомендовать хрупкимъ носительницамъ благотворительныхъ идеаловъ.

Во всякомъ случаѣ, систематизация всѣхъ свѣдѣній по этимъ вопросамъ является настоятельною необходимостью. Самъ я этому мало обученъ, но знаю, что многія, отъ неумѣнія обращаться съ этими предметами, очень страдаютъ. Недавно еще одна молодая артистка пришла въ редакцію советоваться насчетъ того, какъ ей устроить благотворительный спектакль, и въ пользу кого именно.

— Хочу, говорить, въ пользу бѣдныхъ 4-го участка Рождественской части...

— Что жъ, хотя бы и четвертаго участка... Но позвольте, почему же именно 4-го участка?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы ничего не понимаете! Да вѣдь первые три уже разобраны... Какъ только выходить репертуаръ благотворительныхъ обществъ, такъ сейчасъ, знаете, какъ въ центральной кассѣ записи — „пѣть“, „поздно“... Только и осталось, что вотъ 4 участокъ Рождественской части и еще глухіе на лѣвое ухо...

— На лѣвое? А на правое?

— На правое! Да вѣдь вамъ говорятъ, что разобрано! Глухихъ на правое ухо взяла Пенелопа Ивановна...

И она ушла; черезъ часа два — звонокъ. Та же артистка.

— Нѣтъ, я просто въ отчаяніи! Представьте, ни 4-го участка Рождественской части, ни глухихъ на лѣвое ухо...

— Неужели, опять Пенелопа Ивановна?

— Опа! Что вамъ, говорить, за охота дѣлить уши? Въ оба уха, говорить, болыше очистится...

— Ну, а 4 участокъ?

— Слились съ гимназистами приготовительного класса Ларинской гимназіи... Что дѣлать — ума не приложу! Всѣ устраиваютъ, играютъ, на носу бенефисъ... А ты тутъ сиди за печкой!

И она даже заплакала. Слезы такъ и капали — искреннія, горячія, хотя, разумѣется, женскія. Я былъ до того разстроенъ этимъ печальнымъ зрѣлищемъ, что тутъ же присѣлъ къ письменному столу и написалъ цѣлую докладную записку въ Театральное Общество. Я обращался къ достопочтенному предсѣдателю и всѣмъ уважаемымъ членамъ комитета съ просьбою не оставить вниманіемъ нравственныхъ страданія тѣхъ бѣдныхъ сценическихъ дѣятелей, которые, понимая подобно другимъ, все значеніе благотворительной рекламы, не знаютъ, однако, какъ приняться за дѣло, доходить, въ поискахъ великодушія, до бѣдныхъ 4 участка Рождественской части, и все-таки остаются ни съ чѣмъ. Затѣмъ, коснувшись въ нѣсколькоихъ словахъ дѣятельности вновь открытаго Бюро (Невскій, 44), я рекомендовалъ, къ числу прочихъ его занятій, отнести также устройство, въ пользу желающихъ рекламы сценическихъ дѣятелей, благотворительныхъ вечеровъ и спектаклей. Съ этой цѣлью учреждается особый столъ, въ которомъ сосредоточиваются списки всѣхъ благотворительныхъ обществъ, а также списки всѣхъ сценическихъ дѣятелей, имѣющихъ нужду благотворительствовать. Соглашенія идутъ черезъ бюро, удерживающее, само собою разумѣется, извѣстный комиссіонный процентъ. Наконецъ, для тѣхъ сценическихъ дѣятелей, которымъ даже и при посредствѣ

Бюро не удалось устроить ни благотворительного, ни литературного исторического вечера, дается въ концѣ года общій бенефісъ благотворительно-утѣшительный. „Такимъ, путемъ, писалъ я,—лучи реклами, въ которыхъ нынѣ купаются наиболѣе прыткіе представители сцены, будутъ распределены равномѣрнѣ, и популярность артиста будетъ зависѣть не только отъ числа находящихся съ ними въ случайныхъ сношеніяхъ благотворительныхъ учрежденій, но и отъ иныхъ, болѣе основательныхъ и вѣскихъ причинъ“.

Затѣмъ я намекнулъ, что это нѣ болѣе, какъ одна часть задачи, и едва ли самая обширная и серьезная; что потребности нынѣшней реклами велики и значительны; и что въ высшей степени неблагоразумно оставлять поле реклами совершенно свободнымъ и частымъ для тѣхъ, кто искушенъ въ разныхъ видахъ саморекламированія и развязности, между тѣмъ какъ остальные вполнѣ беззадитны. Ибо, такимъ путемъ создается подборъ бездарностей. Бездарность должна погибнуть, если она борется съ талантомъ. Но если на помощь бездарности выступаютъ разныя вспомогательныя средства; если свободѣ критического сужденія публики, неблагопріятной для бездарности, противопоставляетъ гипнотическое внушеніе реклами; если непосредственность и живость впечатлѣнія замѣняется ходячимъ понятіемъ извѣстности и популярности,—то бездарность можетъ не только жить, процвѣтать и пользоваться всѣми присвоенными извѣстности преимуществами, но и одолѣвать, въ смыслѣ конкуренціи, талантливыхъ людей. Естественный подборъ выживающихъ талантовъ и вымирающихъ бездарностей—этотъ основной законъ прогресса — получаетъ такое сильное противодействіе, что можетъ, какъ разъ наоборотъ, привести къ вымиранию талантовъ и преумноженію бездарностей. Прирожденная бездарность, благодаря шарлатанству, сценическому нахальству и благотворительнымъ спектаклямъ, въ состояніи затереть талантливаго, но робкаго и скромнаго человѣка, и если такъ будетъ продолжаться, восклицалъ я въ заключеніе своего посланія русскому театральному обществу,—„то Волга-матушка можетъ всиять обратиться“!

Посланіе, однако, такъ и осталось у меня на столѣ неотправленнымъ, и если какоенибудь театральное агентство откроетъ у себя окончательную распродажу литературныхъ имёнъ и участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ для благотворительныхъ вечеровъ, то, смѣю завѣрить, что это будетъ по ихъ собственному почину. Я отказался отъ своего намѣренія: Май вдругъ стало жаль бѣдныхъ мучениковъ театральной реклами, съ ихъ беспокойными взорами, искательными глазами, съ этой вѣчной тревогой въ сердцѣ; что ихъ обскачетъ кто нибудь другой на самой усовершенствованной реклами, съ пневматическими шинами, и лишнимъ вечеромъ, лишнею замѣткою въ газетѣ, побьетъ ихъ благотворительный

Царь Федоръ.



Г-нъ Москвинъ въ роли царя Федора.

рекордъ и оставить ихъ за флагомъ. Потому что нѣтъ ужаснѣе—такъ начинаетъ казаться мнѣ — сознанія, что жизнь есть борьба ариетическихъ величинъ, и что нужно все время опасаться за нарушеніе равновѣсія. Потому что въ талантливомъ человѣкѣ есть спокойствіе самоувѣренность, есть лѣнъ, отдыхъ, досугъ творческой беззаботности, та грація и легкость, которыя превращаютъ самый трудъ въ источникъ наслажденія. Тогда какъ эти бѣдные, сидящіе завистью, дрожащіе за свое существованіе, сознающіе свое ничтожество, обреченные, подобно вѣчному жиду, всю жизнь влактивъ съ собою грузъ своихъ страховъ и сомнѣній; эти несчастные, которымъ нужно кричать о себѣ, потому что иначе всѣ къ нимъ будуть глухи, которымъ нужно безпрестанно напоминать о себѣ, потому что ихъ естественный удѣлъ—забвеніе,—эти люди, право, внушаютъ скорѣе жалость, смѣшанную съ чувствомъ глубокаго презрѣнія!..

Nemo novus.



Мой неудавшийся дебютъ *).

Но возвращаюсь къ своей тайнѣ, которую теперь могу ужъ смѣло разсказать—ни дѣдушка, ни бабушка ее не услышатъ... Итакъ, это случилось въ одинъ прекрасный морозный день, когда я случайно возвращалась изъ гимназіи одна: мои подруги меня не подождали, а я, наслаждаясь хорошей погодой, и не торопилась. Поэтому я остановилась у столба съ афишами и стала ихъ просматривать. Для чего я это дѣлала—я не знаю, такъ какъ въ театрѣ я не бывала никогда: для дѣдушки собраться въ театрѣ было бы подвигомъ, равносильнымъ взятію штурмомъ Карса, а бабушка никогда его одного дома не оставляла; поэтому театрѣ представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ рая Магомета, достижимаго лишь въ будущей жизни. Тѣмъ не менѣе подруги передавали мнѣ свои впечатлѣнія и даже теперь, глядя на афишу, я съ удовольствиемъ прочла фамилію, отпечатанную жирнымъ шрифтомъ „Арскій“! Я знала, что Арскій въ нѣкоторомъ родѣ знаменитость, что онъ гастролируетъ въ нашемъ городѣ и что все мои подруги поголовно, кто только его видѣлъ—влюблены въ него... Я даже знала, отчасти, его манеру игры, потому что Надя Мартенсъ всегда передавала мнѣ пьесы въ лицахъ. Я, напримеръ, отлично знала, какъ онъ говоритъ: „О небо! О люди! Вамъ ли судить меня?“ И какъ онъ при этомъ подымаетъ свою правую руку и грозитъ ею въ пространствѣ... Поэтому-то я и остановилась такъ долго передъ афишой... „Что, барышня? вѣрно сегодня въ театрѣ собираетесь?“ раздался за мной звучный и пріятный баритонъ. Я такъ мало думала, что это обращеніе относится ко мнѣ, что, нисколько не испугавшись, обернулась къ говорившему: передо мной стоялъ, въ бобровой шинели и шапкѣ, очень красивый, не старый еще брюнетъ и улыбаясь, смотрѣлъ прямо на меня. Я посмотрѣла вокругъ

*) См. № 1.

себя, чтобы видѣть съ кѣмъ онъ говоритъ, но онъ уже прямо мнѣ въ лицо повторилъ свою фразу: „Что, барышня, въ театрѣ сегодня?“ Тогда я, густо покраснѣвъ и сама не знаю, зачѣмъ, сдѣлавъ ему реверансъ, робко отвѣтила: „Нѣтъ!“ и послѣднѣо пошла впередъ; и Богъ знаетъ, какъ это случилось, но онъ пошелъ со мной рядомъ и пошелъ такъ уверенно и смѣло, какъ будто бы мы были вѣдь съ нимъ знакомы, или какъ будто бы онъ былъ мой родной братъ и ужъ не знаю, какъ и почему, но я этимъ не смущилась, разговаривала съ нимъ, на его вопросы—отвѣчала, на его шутки смигала... Помню, что онъ пришелъ въ настоящій ужасъ и негодованіе, узнавъ, что меня никогда не возить въ театрѣ. „Но это варварство! варварство!“ повторилъ онъ. Такимъ образомъ мы познакомились... Онъ проводилъ меня до самого дома, пожелалъ всего лучшаго и успѣха въ наукахъ и сказалъ, что теперь, зная въ которомъ часу я ухожу изъ гимназіи, онъ найдется со мной часто встрѣтиться, такъ какъ самъ живеть въ этой же сторонѣ и почти въ одно время со мной кончаетъ свои утреннія занятія... Я была въ восторгѣ... Почему я была въ восторгѣ—я не могла бы объяснить; я инстинктивно чувствовала, что въ этомъ есть что-то дурное; что бабушкѣ этого разсказать нельзя, тѣмъ не менѣе мнѣ очень нравилось, что у меня появился откуда ни возьмись, такой красивый, такой интересный знакомый... Мнѣ особенно нравилась тайна... и я рѣшила не говорить обѣ этомъ никому. Прошло два дня и мы встрѣтились снова и встрѣтились уже какъ друзья: „А, а, а! какъ же вы проживаете?“ фамильярно спросилъ онъ меня и мы опять пошли вмѣстѣ. Не могу разсказать своихъ ощущеній — знаю одно — мнѣ было стыдно, и неловко, такъ какъ я сознавала, что поступаю нехорошо, что обманываю бабушкино довѣріе — хотя, что въ этомъ дѣйствительно было нехорошаго — я не понимала; съ другой стороны — мнѣ было крайне лестно, что со мной знакомъ и ведеть настоящіе разговоры, какъ со взрослой барышней, какой-то,

„Царь Федоръ“. (На Московской сценѣ).

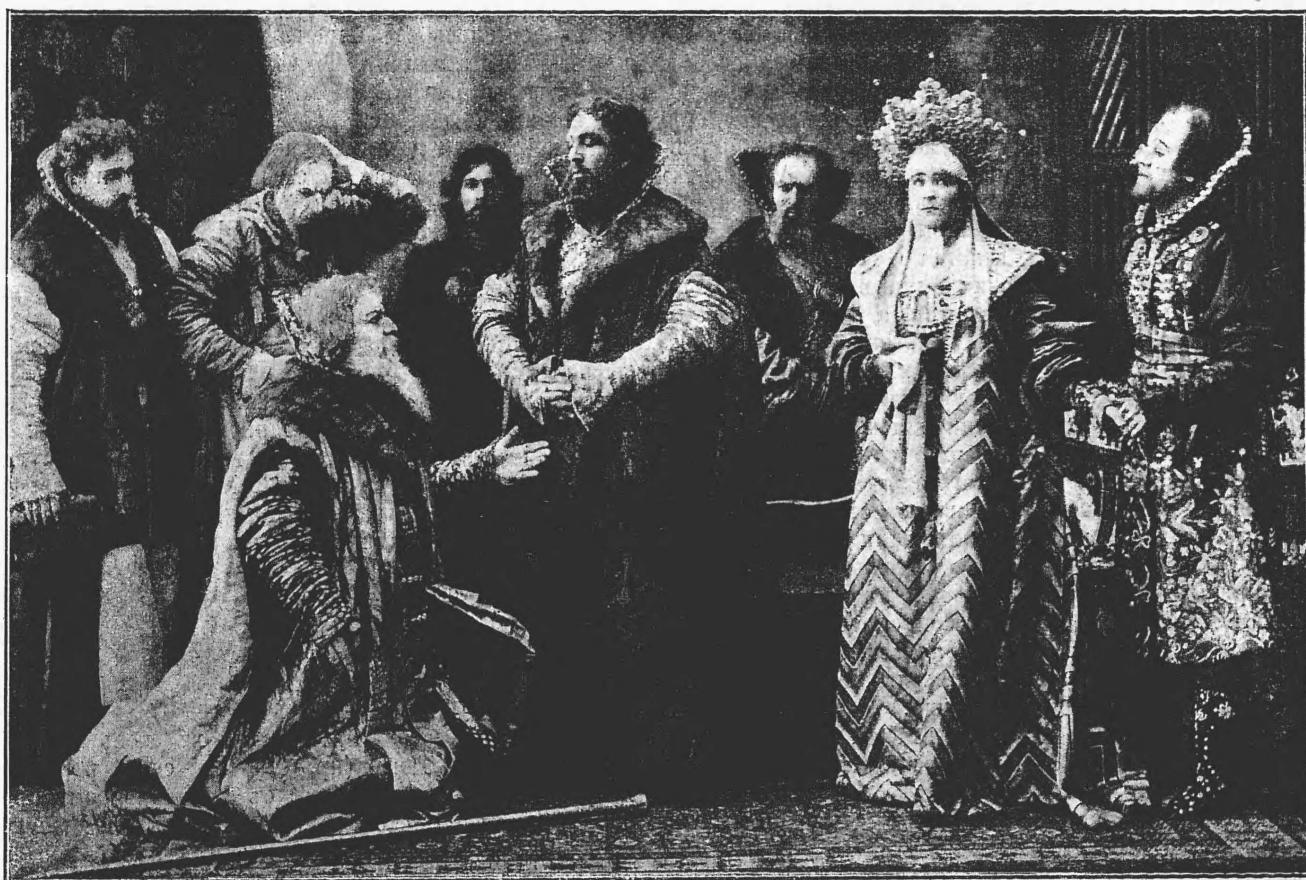


2-й актъ 1-я картина



"Царь Федоръ".

3-й актъ 2 ая карти.



5-й актъ 1 ая карти.

по всей видимости, образованный и хорошего общества господинъ... Я шла рядомъ съ нимъ съ большими удовольствиемъ: мнѣ все въ немъ нравилось—и его наружность, и щеголеватая одежда, и манера говорить; и видимо онъ стоилъ вниманія, такъ какъ на него многіе оглядывались. Но каковы же были мой испугъ и удивленіе, когда на поворотѣ одной улицы намъ встрѣтились три моихъ подруги, изъ которыхъ одна была Надя Мартенсъ. Я какъ-то совершенно забыла, что встрѣча эта весьма возможна, а потому ужасно испугалась. Но мой испугъ былъ ничто въ сравненіи съ ихъ удивленіемъ!.. Онъ какъ увидѣли меня, такъ и замерли на мѣстѣ съ широко открытыми глазами, совершенно парализованыя отъ изумленія, когда я съ замираніемъ сердца и дѣлая видъ, что не замѣчу ихъ, прошла мимо со своимъ спутникомъ... На другой день я не охотно шла въ гимназію.. Я знала, что на меня набросится съ распросами, но что я могла отвѣтить? Кто былъ мой интересный знакомецъ? Какъ его звали... Я не знала ничего... И вдругъ, когда едва я вошла въ классъ, какъ на меня со всѣхъ сторонъ посыпались упреки и укоризны: „Ахъ, ты тихона!“ кричали со всѣхъ сторонъ. „Такъ-то ты не знаешь Арскаго?“ А сама гуляешь съ Арскимъ?“ Одни кричали: „Счастливица!“ другія вопили: „Безсовѣстная!“ Весь классъ уже зналъ о моей прогулкѣ и... это былъ Арскій!.. Да—самъ Арскій!.. Его знали всѣ, такъ какъ бывали въ театрѣ и не знала его—одна я... Я сдѣмалась героиней... Я должна была разсказать са-мымъ подробнымъ образомъ, какъ и гдѣ, и на какомъ мѣстѣ я познакомилась съ нимъ; какъ и что—онъ говорить; какія онъ носитъ перчатки и пахнетъ ли отъ него духами, и многое еще другое... Но съ этого момента мой маленький романъ—пересталъ быть моимъ личнымъ романомъ, а сталъ достояніемъ всего моего класса. Теперь, когда мы гуляли, за нами, въ почтительномъ отдalenіи, шли всегда мои подруги, и зараженная всеобщимъ восторгомъ, я и сама стала также неистово обожать Арскаго. Что было съ его стороны—я не знаю. Къ чести его надо сказать, что онъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и не говорилъ мнѣ никакихъ пошлостей. Его, видимо, забавляло мое обожаніе, которое я и не думала скрывать: я рассказала ему, что знаю, что онъ великий Арскій, что всѣ мои подруги его обожаютъ, что я несчастна, ибо не увижу его на сценѣ и т. д. Онъ слушалъ меня съ довольной улыбкой, а когда я говорила „великий Арскій!“ то случалось, и оглядывался назадъ на моихъ подругъ и улыбался имъ, а онъ кричали ему вполголоса: „божественный!“, „гений!“ Тогда онъ смеялся и говорилъ мнѣ: „какія вы всѣ славныя девочки“. И дальше этого у насъ не шло. Рассказывать день изо дня наши встрѣчи, похожденія, наши дѣтские восторги и выходки было бы долго. Скажу только, что и мнѣ, и подругамъ моимъ одновременно пришла въ голову блестящая мысль—пригласить Арскаго на нашъ гимназический спектакль! Когда я сказала ему объ этомъ, онъ нѣсколько поморщился, но встрѣтивъ мой умоляющій взоръ, видимо, сжался надо мной и спросилъ: „что же вы будете играть?“ И когда я назвала нашу злополучную пьесу, онъ расхохотался. „Охъ, Боже мой“, говорилъ онъ смеясь отъ души: „барышня милая, какъ ни интересно мнѣ вѣдьть, но боюсь, что это страшная галиматья—это разъ! а второе, я во французскомъ языке не очень-то силенъ—я и половины не разберу“. Но тутъ ужъ я приложила все свое умѣніе, всѣ свои силы, чтобы убѣдить его, и наконецъ онъ обѣщалъ, что если получить пригласительный билетъ, то явится на нашъ спектакль.

Пригласительный билетъ! Сколько ухищреній, ловкости, притворства и даже лжи пришлося намъ употребить, чтобы обойти нашу юркую начальницу и добить билетъ для Арскаго. И мы его добыли...

Наконецъ, все было кончено, вѣдь затрудненій и непреодолимых препятствій преодолѣны... А ихъ было не мало... Начать хотя бы съ того, что приходилось ученицѣ играть мужчину. Наша начальница была въ мучительномъ положеніи—какъ быть! Брата изъ пьесы выкинули, слугу обратили въ служанку... но отца, который именно долженъ былъ открыть объятія возвращающейся дочери и воскликнуть: „vienus, viens mon ange chéri!“ непремѣнно надо было играть... Надѣги, на воспитаницу панталоны? Это было немыслимо: на спектакль должна была присутствовать сама жена попечителя округа, и всѣмъ были известны ея пуританская убѣжденія... Какъ быть? Наконецъ, послѣ долгихъ конференцій, решено было, что поверхъ платья ученицы будетъ длинный до полу платья, затѣмъ при克莱ять сѣдую бороду и на голову надѣянуть сѣдой парикъ, и такимъ образомъ она будетъ, какъ двѣ капли воды, старикъ-отецъ. Боже мой! Я какъ сейчасъ вижу свѣжее лицо Нади Мартенсъ, украшенное длинной предлипной бородой, и какъ она, простирая ко мнѣ руки (ногти ея почему-то выкрасили черной краской) старалась изо всѣхъ силъ говорить хрипло: „vienus, viens que je t'emmasse, ma fille chérie!“ Однимъ словомъ все было улажено, устроено, мы всѣ знали ролицаузть, намъ казалось, что пьеса у насъ идетъ прекрасно, и наконецъ, насталъ день спектакля... Дома у меня происходила кутерьма... Дѣдушка и бабушка получили пригласительные билеты на веленевой бумагѣ и были взволнованы до крайности. Какъ ни трудно было дѣдушкѣ, по невозможно было не пойти посмотреть на любимую внучку, да еще и въ главной роли; поэтому вынималось и вывѣтрявалось парадное платье, бабушка купила даже новые перчатки; Акулина сбилась съ ногъ, возясь все время съ утюгами; но кому больше всѣхъ досталось отъ нашего гимназического спектакля—такъ это нянѣ Тюнъ. Всѣ мои французскіе монологи, мой возгласъ, и даже стихи, я прибѣгая къ ней въ комнату съ пафосомъ декламировала передъ ней и она все выслушивала новозмутимо, спокойно, и не понимая ни единаго слова, постоянно приговаривала: „такъ, такъ, моя матошка! такъ, моя золотая! Вотъ это мнѣ нравится!“ И я воодушевлялась ея похвалами и мнѣ казалось, что я играю очень хорошо... Но все же даже ей—я не говорила о томъ, что я задумала!.. Боже ты мой, что я задумала, что я только задумала... Отсюда у меня взялась смѣость! Я рѣшила, никому ни сказать ни единаго слова, передѣлать стихи, которые я должна была сказать при воспоминаніи о моей роднѣ: je t'adore, je t'adore ma charmante patrie, qui t'a che un jour, jamais, jamais ne t'oublie!.. рѣшила передѣлать на обращеніе къ Арскому... Да, я поклялась самой себѣ, что глядя прямо на него произнесу:

„Je t'adore, je t'adore,
Mon idole chéri,
Qui t'a che un jour,
Jamais, jamais ne t'oublie!“

Я повторяла это десятки разъ въ день и глядя прямо на нянѣ Тюнъ (представляя себѣ, что такъ я буду глядѣть на Арскаго) съ такимъ жаромъ произносила ихъ ей, что она видя мой азартъ, даже говорила: „Ну, ужъ золотая моя—ты бы что иное затвердила—а то все тадоръ да тадоръ“. Должно быть мое волненіе было чрезмѣрно, такъ какъ я рѣши-

тельно не помню ничего до того момента, когда я въ дырочку въ занавѣси рассматривала собиравшуюся публику: вотъ плывѣтъ величественная жена попечителя; вотъ тощая, какъ смерть, съ ядовитымъ лицомъ жена дивизіоннаго генерала, а вотъ и мои милые дѣдушка и бабушка: они вошли очень прилично, хотя дѣдушка долго и церемонно расшаркивался передъ начальницей; но бабушка была очень импозантна въ своемъ лиловомъ атласномъ платьѣ, съ кружевной косынкой на головѣ и въ новыхъ перчаткахъ, такъ что начальница усадила ихъ даже въ первый рядъ; я долго блуждала глазами по залѣ, тщетно разыскивая дорогую знакомую мнѣ фигуру и сердце мое замирало отъ ужаса: неужели же онъ не пріѣдетъ? И вдругъ увидѣла его очень спокойно сидящаго во второмъ ряду, на крайнемъ стулѣ съ лѣвой стороны. Я впилась въ него глазами... Я видѣла его въ первый разъ не въ шляпѣ и безъ шубы. Онъ мнѣ показался еще лучше, чѣмъ прежде. Онъ сидѣлъ очень спокойно и равнодушно оглядывалъ публику, закинувъ руку за спинку стула. Какъ хорошо было его блѣдное лицо! Какъ выразительны его большіе черные глаза! Мое сердце стучало... Какъ онъ удобно сидитъ; вотъ отсюда, съ этого мѣста, я, глядя прямо на него, произнесу: „Je t'adore, je t'adore mon idole cheri“! Лицо мое горѣло... Мне казалось, что никогда не начну... Но занавѣсь подняли—пьеса началась... Мы входили, уходили, приходили, говорили, садились, вставали и никто ни разу не сбился... Все шло очень хорошо... Но я не смѣла смотрѣть на Арскаго... Мне казалось, что для того, чтобы онъ меня понялъ, мнѣ именно слѣдовало поднять на него глаза только въ тотъ моментъ, когда придется время сказать то, что предназначалось для него, для него одного! Пойметъ ли онъ меня? Но дѣйствіе тянулось нескончаемо... Мы опять ходили, сидѣли, говорили и все безъ единой ошибки... Въ залѣ царила тишина... Было-ли кому весело?—не знаю! Я ждала только одного: того момента, когда скажу ему: „je t'adore, je t'adore mon idole cheri“. Я не сомнѣвалась, что онъ и теперь весь слухъ, весь вниманіе и что онъ слѣдилъ за каждымъ моимъ словомъ, за каждымъ моимъ движеніемъ и это наполняло мое существо гордостью и заставляло меня играть мою роль, какъ можно манернѣе. И вотъ онъ насталъ желанный моментъ! Я должна была наконецъ, патетически произнести свои пылкіе стихи. Я встала... сердце мое билось, грудь поднималась... Я была взволнована до крайности... Наконецъ, произнеся предварительно про себя наскоро: „Боже, помяни царя Давида и всю кротость его“! (молитва, которой научила меня няня Тюня для всѣхъ экстренныхъ моментовъ жизни) я рѣшилась и произнесла съ чувствомъ: „je t'adore, je t'adore“... и подняла глаза прямо на Арскаго... Но какими словами передамъ я то чувство горя, обиды, оскорблений, которое моментально выразилось и разразилось слезами... да самыми ребяческими дѣтскими слезами, съ захлебываньемъ, съ всхлипываньемъ,—ибо онъ спалъ! Да, Арскій спалъ самымъ безмятежнымъ образомъ, склонивъ голову себѣ на грудь и даже слегка похрапывая... Онъ спалъ, не вытерпѣвъ до конца французского спектакля и не подозрѣвая, какое горе онъ причинилъ этимъ бѣдному шестнадцатилѣтнему сердцу! Онъ спалъ, а я, закрывъ лицо руками, рыдала, рыдала до того горѣко, что мой плачъ понемногу переходилъ въ истерику, и можно себѣ представить, что произошло въ залѣ... Начальница, публика, дѣдушка и бабушка всѣ бросились ко мнѣ на сцену—мнѣ давали воду, бромъ, еще что-то... Мнѣ растягнули платье, меня увили, потомъ увезли домой, спектакль не былъ доконченъ и можно себѣ пред-

ставить, сколько по этому поводу было толковъ. Однимъ словомъ—вышла цѣлая исторія.

Дома лежа съ компрессами на головѣ, я все думала, да думала только объ одномъ: о томъ, что онъ спалъ! Онъ спалъ! Я холодѣла отъ стыда и обиды и мнѣ казалось, что пережить это оскорблѣніе—невозможно! И Богъ знаетъ?—простудилась я, когда меня везли разгоряченную домой, или дѣйствительно я была первоначально здорова, но только я серьезно заболѣла. И Боже мой! сколько горя и заботы принесла моя болѣзнь моимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ, и нянѣ Тюнѣ, день и ночь не отходившей отъ меня и Акулинѣ, постоянно бѣгавшей въ аптеку. А что говору было въ гимназіи о неудавшемся спектаклѣ? А подруги, постоянно прибѣгавшія узнавать, что со мной? Даже начальница считала себя отчасти виновной въ моей болѣзни, такъ какъ она меня заставила играть. И когда у меня былъ жаръ, я все бредила: „je t'adore, je t'adore“! и бабушка негодовала на спектакль и нянѣ Тюня не переставая ворчала: „уморили дите съ своимъ кіатромъ“.

Когда я поправилась, Арскаго давно уже не было и онъ гастролировалъ въ другомъ городѣ. Конечно, ему никогда и въ голову не пришло, сколько горя невольно причинилъ онъ моему бѣдному дѣвичьему сердцу, которое не спало въ жуткой тревогѣ возраста,—тѣмъ, что спалъ...

Теперь, когда все это отошло въ область далекаго, когда я пережила столько настоящаго жизненнаго горя—мнѣ это горе кажется такой милой, поэтической шуткой и такъ хотѣлось бы хоть на денекъ, на мигъ единый вернуть и дѣдушку съ бабушкой, и нянѣ Тюнѣ, и Арскаго и даже Акулину... И я со вздохомъ, повторяю вмѣстѣ со старикомъ Шиллеромъ:

„Гдѣ вы, гдѣ вы—золотые дни моей юности“.

С. Шевиль.



ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Недавно исполнилось 50-ти лѣтіе артистической дѣятельности извѣстнаго актера Іосифа Левинскаго и 40-лѣтіе его службы въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ. Какъ увѣковѣчилъ его имя Вѣнскій Бургъ-театръ у насъ уже сообщалось.

Кстати, о Левинскомъ. Въ послѣднемъ номерѣ журнала «Deutsche Revue» находимъ статью почетнаго артиста о пребываніи его въ Россіи, заключающую, между прочимъ, нѣкоторыя театральные впечатлѣнія. Побывалъ г. Левинскій на представлениі «Ревизора» въ театрѣ Корша, и вынесъ самое радостное впечатлѣніе.

Г-жа Романовская, игравшая роль городничихи, напомнила Левинскому знаменитую нѣмецкую актрису Христину Геббелль. Смотри игру г. Свѣтлова, Левинскій вспомнилъ двухъ первоклассныхъ артистовъ западной сцены: покойнаго знаменитаго актера «Burgtheater'a Фихтнера и артиста «Théâtre Français»—Брессана.

Отъ г. Грекова Левинскій въ совершенномъ восторгѣ, но ни съ кѣмъ его не сравниваетъ, находя его «перерусскимъ» («übergreisisch»).

Въ своемъ резюме Левинскій дѣлаетъ одно общее замѣчаніе, и совершенно вѣрное, касающееся всѣхъ русскихъ ар-



Иосифъ Левинскій.

тистовъ. Въ русскомъ актерѣ, по наблюденію автора, есть одна въ высшей степени достопримѣчательная черта: его никогда не оставляетъ спокойствіе, даже въ самыхъ рѣзкихъ положеніяхъ, чѣмъ выполняется главное требование искусства. Левинскій ищетъ объясненія такой подробности исполненія русскаго актера вообще въ на турѣ русскаго человѣка, который не любитъ суеты («zappelin»), — вѣрнѣе «животрептанія». Но эта черта, необыкновенно чѣнна для русскихъ произведеній, совершенно напрасно переносится на произведения иностранного классическаго репертуара. Когда въ этакомъ, «истовомъ», темпъ играютъ Гюго или «Укрощеніе стропти вой» — оно смахиваетъ на похороны великихъ произведеній.

Недавно вышла въ Парижѣ не совсѣмъ обыкновенная книга, посвященная жестокой критикѣ современного французскаго общества, точнѣе, французской литературы и, въ частности, театра. Книга эта носитъ название «Комедія нашихъ дней» (La Comédie d'aujourd'hui); авторъ ея, подписавшійся просто «L'homme», вотъ что говоритъ о себѣ и о книгѣ: «Возможно, что единственное достоинство предлагаемой книги заключается въ ея искренности... Въ старину рыцари пускались въ путь для защиты страждущихъ, новый Донъ-Кихотъ, я слѣдуя имъ примѣру. Я сражаюсь за разумъ и здравый смыслъ». Книга безпощадно бичуетъ современную французскую литературу. Поэзіи нѣтъ, есть одно шарлатанство, даже не остроумное, а плоское; критика не лучше поэзіи. Жюль Леметръ пишетъ пьесу и, не мало не смущаясь, самъ посвящаетъ ей обширную критическую статью за своею подписью, подробно перечисляя красоты, и глубину своего произведенія. А прочіе газетные критики ему аплодируютъ. Особенно сильно нападаетъ L'homme на разращенность современнаго газетнаго міра. Но перейдемъ къ вопросу, который наѣтъ ближе занимаетъ.

«Въ современной драмѣ и комедіи все поглощено картинами супружеской невѣрности, — какъ будто бы у всего человѣчества не осталось уже никакихъ иныхъ чувствъ и занятій. Было время, когда французскій театръ имѣлъ серьезное литературное значеніе, но въ послѣднія двадцать лѣтъ новые драматурги до такой степени увлеклись натурализмомъ самого дешеваго sorta, что ни о чѣмъ другомъ и не думаютъ, кромѣ того, чтобы привлечь публику «пишантными» сценами. «Войдите въ любой изъ нашихъ театровъ, — вы вѣздѣ увидите, въ сущности, все одну и ту же пьесу: картину супружескихъ невѣрностей, приваленную болѣе или менѣе крупной солью плохого бульварнаго остроумія... Нынѣшній театрѣ можтъ выдержать сравненія даже съ циркомъ; это — не болѣе, какъ передняя веселаго дома, для котораго, на самомъ дѣлѣ, и работаютъ нынѣшніе драматурги». Порохъ вѣдѣтъ вполнѣ у себя дома. Для актеровъ, а особенно для актрисъ, театръ чаще всего служить только вывѣской, прикрывающей «искусство» совсѣмъ иного рода... При этомъ, тщеславіе и самодовольство этихъ людей не знаетъ никакихъ предѣловъ: «они не понимаютъ деликатной похвалы, — имъ нужна хвала торжественная, грубая лесть, пре-возносящая ихъ выше всякой мѣры, выше всякаго вѣдраваго смысла. Попробуйте сказать, напр., Коклѣну, что онъ — большой талантъ: онъ разобидится; если вы желаете сказать ему приятнѣе, — кричите, что онъ величайший художникъ всѣхъ временъ и народовъ, актистъ, какого никогда не бывало, нѣтъ и не будетъ, богъ драматического искусства! Наша великая Сара не терпитъ никакихъ сравненій ни съ какими знаменитостями: она сама по себѣ, единственная, божественная; боги создали ее нарочно для того, чтобы показать крайніе предѣлы своего могущества. Можно было бы составить цѣлую книгу изъ хвалебныхъ эпитетовъ, которыми осыпали эту актрису пресмыкающіеся критики. Передъ нею, словно передъ божествомъ, повали на колѣньяхъ академики, поэты, журналисты, и она, благосклонно улыбаясь, не разъ присутствовалъ при собственномъ апоѳеозѣ. Поэты спустялись съ своихъ заоблач-

ныхъ высотъ и начали сочинять сонеты въ честь новой Мельпомены. Даже старики отъ восторга потеряли разсудокъ: Коппе плачаль... Всѣ газеты были полны ея славой; всѣ требовали для нея ордена Почетнаго Легіона, какъ для единственной представительницы бессмертнаго искусства въ нацпѣ тѣкъ упадка талантовъ. Цѣлую подѣлю весь Парижъ былъ занятъ вопросомъ о томъ, получитъ ли она этотъ орденъ, — и на министерство вылитъ былъ цѣлый ушатъ помоекъ, когда оно рѣшительно отказало въ этомъ ходатайствѣ...»

Театральной критики уже давно не существуетъ: она обратилась въ открытую торговлю похвалами и, въ случаѣ недобности, порицаніями, въ такую же наемную клаку, какъ и та, которая разсаживается въ театрахъ въ дни первыхъ представлений. Газеты и театры связаны между собою формальными трактатами. Публика это хорошо знаетъ, а потому и не обращаетъ на рецензентовъ уже никакого вниманія и идетъ не туда, куда они ее зовутъ, а туда, где сѣѣ большие правятся.

Tout comme chez nous...



ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Праздничный репертуаръ нашего драматическаго театра отличался довольно затѣженнымъ репертуаромъ. Глянчнымъ и отвѣтственнымъ режиссеромъ считается г. Песоцкій, который созадаетъ репертуаръ и распредѣляетъ роли. Г. Песоцкій среди сезона «разсчиталъ» г. Сарматова, взваливъ на другихъ артистовъ весь репертуаръ. Гг. Шуваловъ и Смирновъ, напримѣръ, играли не переставая съ 25 дек. по 6 янв., а иногда и 2 раза въ день. Ни праздникахъ шли «Джентльменъ», «Дѣвѣ сиротки», «Памела», «Контролеръ» (изъ 6 разъ) и «Сонъ». Это для дѣтей г. Песоцкій выбралъ «Сонъ»! Какъ мы слышали, г. Песоцкій отказался, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ, отъ режиссерства на слѣдующій сезонъ. Артистомъ же и режиссеромъ въ нашу труппу приглашенъ г. Людвиговъ, подпавший уже контрактъ.

30 дек. въ бенефисъ «не главнаго» режиссера глашаний нашей труппы Д. А. Александрова поставлена была новая пьеса «Ложь» соч. г. Дубельть. Объ этой пьесѣ много было сказано на страницахъ «Театра и Искусства». Г-жа Бѣльская провела весьма изрядно роль Кузнецовой. Въ роли Кузнецова выступилъ г. Шуваловъ, а въ роли Валеріи г-жа Аппенская. Изъ роли Палицына г. Смирновъ создалъ живое лицо и удостоился шумныхъ аплодисментовъ. Роль сына Кузнецова игралъ... г. Петина, вѣроятно, изъ любезности. Мы бы еще должны были сказать объ исполненіи г-жи Дицкійской роли Нины, но, во-первыхъ, указывать артистѣ, милицей себя Дуэзъ, безполезно, а во-вторыхъ не безопасно, такъ какъ въ мѣстной прессѣ у нея есть горячие защитники.

Праздничный репертуаръ оперы составленъ довольно разнообразно. Вотъ перечень всѣхъ пьесъ съ 25 дек. по 6 янв.: «Пиковая дама», «Вана и Маша» (д. спек.), «Садко», «Русланъ и Людмила», «Снѣгурочка», «Князь Игорь», «Рогнѣда», «Дубровскій», «Жизнь за Царя», «Садко», «Евгений Онѣгінъ», «Русалка», «Моцартъ и Сальери» (въ первый разъ новая опера Римскаго-Корсакова) и «Севильскій цирюльникъ», «Демонъ» и «Баль-маскарадъ» (бенеф. Г-жи Шмидтъ). Опера кн. Церетелли дѣлаетъ въ этомъ сезонѣ сборы выше среднихъ; на праздникахъ билеты брались съ бою; «Садко», поставленный въ 4 разъ, далъ по возвышеннымъ цѣнамъ 2400 р. (послѣднее студенческое мѣсто 75 коп.).

Подвизающаяся съ 25 дек. въ циркѣ братъ Никитинъ малороссійская драма подъ управлениемъ г. Старицкаго и при участіи г-жи Запковецкой, дѣлаетъ прекрасныя дѣла. Труппа платитъ собственникамъ театра 45% съ каждого вечероваго сбора за всѣ расходы, т. е. за помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, афиши и т. д. — всѣ эти расходы берутъ на себя собственники театра.

А. П. Б.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Въ добавленіе къ тому, что нашимъ читателямъ уже извѣстно, намъ пишутъ, что товарищество получило за первый мѣсяцъ 35 коп. за рубль, а за второй и до самого праздника ни копѣйки, и наоборотъ, есть еще дефицитъ въ 1200 руб. Сборы на праздникахъ до нового года совсѣмъ слабые и еле покрываютъ расходы. Если сборы съ Новаго года и поправятся, то все-таки до конца сезона члены товарищества не получатъ ничего, въ виду дефицита. Слѣдуетъ пока только тѣ артисты, которые на жалованье. Члены же товарищества находятся въ настоящее время въ ужасномъ положеніи: у всѣхъ все валожено и надежды даже нѣтъ на будущее. Виновата во всемъ М. С. Савина, во-первыхъ, неумѣло завѣдывавшая репертуаромъ, и во вторыхъ, выступая въ роляхъ молоденческихъ дѣвушекъ и дамочекъ. Затѣмъ виноваты въ распущенности актеры, и на сценѣ,

даже на улицахъ, бульварахъ, клубахъ и дукахахъ, та же ужасающая распущенность.

По поводу постановленія комиссіи о расторженіи контракта, газета «Казбекъ», между прочимъ, замѣчаетъ:

«Мы знаемъ, что комиссія была избрана думой для наблюденія за точнымъ исполненіемъ контракта. Что это значитъ?— А это значитъ, что она имѣла право лишь штрафовать антрепренершу и вообще примѣнять только такія мѣры, которыя указаны въ контрактѣ. И лишь въ томъ случаѣ, когда эти мѣры оказались бы палліативами, лишь въ томъ случаѣ, когда комиссія уѣдилась бы, что этимъ путемъ борьба съ безобразиями рѣшительно ни къ чemu не приводить,— лишь въ этомъ случаѣ она имѣла право... дожелить думѣ о необходимости расторгнуть контрактъ. Права же расторгнуть контрактъ самолично, по первому своему прихотливому желанію, она не имѣла, не могла имѣть и не имѣеть. Да если бы это право и было у нея, то развѣ можно было поступить такъ, какъ поступила она? Не испробовавъ ни одного средства борьбы съ злоупотребленіями, ео ірпо поощряя ихъ въ теченіе болѣе трехъ мѣсяціевъ, вдругъ передѣ самыми праздниками выбросить на улицу, оставивъ безъ куска хлѣба, свыше 40 человѣкъ и въ то же время оставить городъ на праздники же безъ театра—воля ваша, но я право же затрудняюсь, какъ это назвать!»

Замѣчанія совершенно резонныя. Театръ пока оставили за товариществомъ. Очевидно, намѣреніемъ думы положила предѣлъ администраціи.. Въ общемъ, однако, какая печальная история!..

ТИФЛИСЪ. Зимній сезонъ у насъ въ полномъ разгарѣ. Кромѣ оперы въ казенномъ театрѣ, драматическихъ спектаклей въ «Артистическомъ Обществѣ» и чередующихся одинъ за другимъ благотворительныхъ концертовъ и вечеровъ въ разныхъ клубахъ, на праздникахъ начинаетъ свои представления опереточное товарищество подъ управлениемъ г-жи Догмаровой въ театрѣ Грузинского Дворянства и открывается свои двери вновь отремонтированный циркъ братьевъ Никитиныхъ.

Оперный сезонъ въ казенномъ театрѣ открылся 20 сентября подъ новой антрепризой И. Р. Фарина. Составъ труппы смѣшанный—итальяно-русскій, и не въ примѣръ подвизавшимся у насъ раньше товариществомъ, весьма многочисленный.

Женскій персоналъ: г-жи Калигарисъ, Ольгина—драматическое сопрано; Маршадъ, Баулина (бывшая артистка Маріинской сцены)—лирическое сопрано; Мартелони—колоратурное сопрано; Компадинико, Попова, Кровель—меццо-сопрано; Самойлова, Никитская и Волина—вторыя роли.

Мужскій персоналъ: гг. Гвердо, Маркони, Борисенко, Кастаньянъ и Арцимовичъ—тенора; Максаукъ, Дела-Горе, Каміонскій—баритоны; Чиротте, Трубинъ, Гагаенокъ и Гецевичъ—басы; Званцевъ, Карагатели, Бобринскій—вторыя роли.

Къ достоинствамъ труппы текущаго сезона, помимо наличности въ составѣ ея весьма талантливыхъ исполнителей, пользующихся въ провинціи солидной репутацией, слѣдуетъ отнести: разнообразный репертуаръ, щатальная постановка и хорошій оркестръ, руководимый талантливыми мастерами гг. Пагани и Барбины. Отрицательная сторона—это разноязычіе. Послѣднее, являемъ результатомъ поощренія антрепризы мѣстной итальянской, давно слѣдовала бы вывести, такъ какъ оно нарушаетъ целность впечатлѣнія и вредитъ сценическому ансамблю.

Сборы, въ началѣ сезона ниже средняго, въ послѣднее время, благодаря введенію въ репертуаръ новыхъ оперъ и серіи бенефисовъ, значительно поднялись. Изъ новинокъ для Тифлиса до сихъ поръ поставлены: «Князь Игорь», «Богема» и «Опричникъ». Первая изъ названныхъ оперъ сразу завоевала симпатіи нашей публики и сдѣлалась репертуарной. Помимо общеизвѣстныхъ музыкальныхъ достоинствъ самой оперы Бородина, успѣху ея содѣйствуютъ главные исполнители въ лицѣ г-жи Ольгиной и гг. Максаука, Борисенко и Трубина. Нравится также и дѣлаетъ сборы опера «Богема», благодаря подкупавшей своей свѣжестью мелодичной музыкѣ. Что же касается «Опричника», поставленного 21 декабря, то, судя по первому представленію, этой оперѣ врядъ ли можно у насъ предсказать успѣхъ. Принадлежа къ первымъ и наиболѣе слабымъ произведеніямъ Чайковскаго, опера уже теряетъ отъ одного сравненія съ такими перлами музыкальной литературы, какъ «Евгений Онѣгінъ» и «Пиковая Дама».

Изъ бенефисовъ пока отмѣтимъ бенефисы г-жъ Мартелони, Маршадъ и гг. Каміонскаго и Борисенко..

Л.—б.

ТОМСКЪ. Наконецъ, нашъ антрепренеръ И. П. Струйскій началъ принимать мѣры къ пополненію своей труппы и, вмѣсто выбывшихъ гг. Горина-Гульшина и Діевскаго, пригласилъ Панормова-Сокольскаго и Печорина. Кромѣ того, онъ ожидаетъ на-дняхъ прибытія артистки Вольской, тоже приглашенной имъ. Съ появлениемъ гг. Панормова-Сокольскаго и Печорина, интересъ къ театру, замѣтно, увеличился и публика начала поѣздать его охотнѣе. Г. Панормовъ-Сокольскій исполнилъ роли Хотнева («На жизненномъ пиру»), Незлобина

(«Мужъ знаменитости») и Василія Коркина («Каширская старина»). Какъ исполнилъ—вопросъ особый. Г. Печоринъ приятный комикъ, ведущій роли, обыкновенно, съ большой простотой и не прибывающій къ шарже. Онъ хорошо сыгралъ роль Мейера («Мужъ знаменитости»), Бородавки («Каширская старина»), Горемыкина («На жизненномъ пиру») и др. Но недостатокъ женскихъ персонажей въ труппѣ, все-таки, даетъ себя чувствовать и нѣкоторыхъ артистокъ, вынужденныхъ выступать въ роляхъ, неподходящихъ къ ихъ средствамъ, иногда просто жаль—какъ, напр., комическую старуху г-жу Прокофьеву, не рѣдко появляющуюся въ роляхъ grande dame.

Сборы въ театрѣ еще болѣе улучшились съ прѣездомъ хора М. Д. Агреневой-Славянской, управляемаго ея отцомъ извѣстнымъ Д. А. Агреневымъ-Славянскимъ. Послѣдній вступилъ въ соглашеніе съ г. Струйскимъ и спектакли даются теперь съ участіемъ хора. Ставятся бытовыя пьесы, въ которыхъ входитъ пѣніе народныхъ пѣсень, и кромѣ того—до начала пьесы идетъ концертное отдѣленіе, въ которомъ хоръ Агреневой-Славянской исполняетъ по нѣсколько номеровъ былинъ и пѣсень, а въ качествѣ солистки выступаетъ М. Д. Агренева-Славянская. Хоръ имѣть у насъ большой успѣхъ,—публика шумно привѣтствуетъ исполненіе почти каждого номера и требованіемъ повтореній и вызовамъ Д. А. Славянского и его дочери—конца нѣть...

Изъ пьесъ съ участіемъ хора, пока, были даны «Каширская старина», «Чародѣйка», «Русская свадьба» и «Царская невѣста» (Лѣва Мая). Первые три спектакля прошли почти при полномъ театрѣ, — на «Каширскую старину» для многихъ даже не хватило мѣстъ.

Д. А. Славянскій въ 1898 г. уже второй разъ въ Томскѣ (впервые онъ поѣстилъ его въ сентябрѣ мѣсяцѣ). Въ настоящее время онъ возвращается изъ артистического турнѣ по Восточной Сибири, гдѣ онъ со своимъ хоромъ давалъ концерты въ Красноярскѣ, Енисейскѣ и Иркутскѣ.

Любители наши также не бездѣйствуютъ и кружокъ ихъ 15 декабря далъ спектакль (въ театрѣ же, снятомъ на этотъ день у г. Струйскаго) съ благотворительной цѣлью. Была поставлена комедія Л. Толстого «Плоды просвѣщенія» и, сверхъ ожиданія, исполненіе было весьма удовлетворительное. Нѣкоторые изъ участниковъ обнаружили положительную талантливость—какъ гг. Бѣлявскій и Воронцовъ, г-жи Смирнова, Ровичъ и друг. Передъ этимъ спектаклемъ былъ данъ концертъ оперной артисткой В. А. Кронбергъ. Въ концертѣ было и драматическое отдѣленіе, —шли прологъ изъ драмы Мая «Ісковитянка», въ которомъ очень хороша была г-жа Пальчикова, и водевиль «Побѣдителей не судятъ», хорошо разыгранный г-жей Ю. Ф. Строговой и г. Струйскимъ. Сама концертанка произвела хорошее впечатлѣніе своимъ пѣніемъ. Это—музыкально образованная пѣвица, участвовавшая ранѣе въ Томскѣ въ труппѣ Брагина въ качествѣ оперной исполнительницы.

Bsc. Сибирскій.

САРАТОВЪ. Пользуясь отчетомъ мѣстнаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкального общества и учрежденного при немъ музыкального училища, съ 1 сентября 1897 по 1 сентября 1898 гг., сообщаю нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности того и другого. За отчетное время въ училищѣ обучалось 301 чел., въ томъ числѣ 221 ученица и 80 учениковъ. По специальному учащіе дѣлились: классъ фортепіано—247 чел., кл. пѣнія—27 ч., кл. скрипки—22 ч., кл. духовыхъ инструментовъ—3 и классы виолончели и альта по одному ч. По сословіямъ: больше всего было дѣтей дворянъ (72 ч.), и меньше всего—крестьянъ (20 ч.) и духовнаго званія (14 ч.); по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 227 ч., евреевъ 12 ч., остальныхъ—католики и лютеране. Предводителемъ отдѣленія состоѣтъ супруга г. начальника губерніи, княгиня М. А. Мещерская; директоромъ училища—С. К. Экснеръ; составъ преподавателей—изъ 16 лицъ по художественнымъ предметамъ и 8 лицъ по общеобразовательнымъ (законъ Божій, русскій яз., ариѳметика, географія, исторія, иностр. языки). Средства отдѣленія составляются отъ разныхъ поступлений,—главнымъ образомъ, изъ взносовъ за ученіе (болѣе 15 тыс. руб.); между прочимъ, поступило отъ городской Думы 1000 р. Изъ расходныхъ статей, конечно, самая крупная—жалованье преподавательскому персоналу, немного превышающее самую крупную доходную статью—ученические взносы. Имущество отдѣленія ежегодно увеличивается; въ скоромъ времени училище будетъ имѣть собственное зданіе, мѣсто для котораго, по ходатайству кн. М. А. Мещерской, уже отведено на казенномъ участкѣ, въ центрѣ города. Въ отчетномъ году отдѣленіе устроило нѣсколько симфоническихъ и квартетныхъ собраний съ участіемъ оперныхъ артистовъ и еще больше ученическихъ вечеровъ. Собрания и вечера, происходившіе по субботамъ, привлекали довольно много публики.

До праздниковъ оперныхъ товариществомъ поставлены: «Мазепа», «Африканка», «Карменъ», «Князь Игорь», «Маккавеи», «Демонъ», «Эрнани», «Русланъ и Людмила», «Травіата», «Дубровскій» и «Фераморъ». Въ общемъ, дѣло поставлено очень недурно; нѣкоторыя оперы («Аида», «Русланъ»,

«Фераморсь») идутъ съвесьма хорошимъ ансамблемъ; слабѣе прошли «Маккавеи» и «Князь Игорь». Труппа, какъ я ужъ писалъ, почти цѣликомъ состоитъ изъ молодыхъ силъ, со свѣжими голосами. Отличіе дѣйствующаго товарищества отъ прежнихъ трупп заключается въ томъ, что пынче обращено вниманіе на ансамбль, тогда какъ прежде онѣ ставилиася какъ бы для одного, для двухъ извѣстныхъ въ провинції артистовъ. Прежде баритонъ г. Унковскій или теноръ г. Закржевскій «блестали яркою звѣздой» среди безномопынхъ товарищей, служившихъ чѣмъ-то въ родѣ живой декораціи. Въ нынѣшней труппѣ выдающихся пѣвцовъ нѣть; все — ровно, гладко и добродорядочно. Для того, чтобы блестать въ такой труппѣ, надо быть очень большимъ артистомъ. Прежде всего ансамбль, — вотъ правило, которымъ, очевидно, руководится г. Бородай въ драмѣ и оперѣ. Это не мѣшаетъ симпатіямъ публики группироваться около отдѣлъныхъ членовъ нашего оперного товарищества. Г-жи Левандовская, Боброва, Корецкая, Пржебыдлѣцкая — пѣвицы, уже заручившіяся серебрянымъ расположениемъ саратовцевъ. Мужской персональ въ этомъ отношеніи менѣе счастливъ, но хороший приемъ оказывается и гг. Агнинцеву, Агульнику, Брыкуну, Сангурскому. Особенной любовью пользуется превосходный басъ г. Тарасовъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ видное будущее. Сборы пока средніе.

Постоянныи.

КІЕВЪ. Въ каждомъ почти городѣ долженъ быть какои-либо «кружокъ» любителей драматического искусства. Народился подобнаго рода «любительскій кружокъ» и у насъ въ Кіевѣ, начавшій свою дѣятельность въ пріютвшемся его «клубѣ велосипедистовъ» (Крестатикъ, домъ Попова), 22 ноября прошлаго года трехъактныи фарсомъ «Геплы ребята». Наиболѣйший усѣхъ имѣли: г. Кульженко, позволявшій себѣ однѣко, вѣроятно, на правахъ «наиопытнѣшаго» режиссера любительской труппы нѣсколько фортелей (напр. сцена на диванѣ) да полдесятка острѣй и «отсебятинъ», затѣмъ г. Рубинъ, старающійся всегда и во всемъ копировать артиста Р. З. Чинарова, и наконецъ г-жа Мизевская, любительница несомнѣнно даровитая. 28 ноября состоялся второй спектакль. Шла комедія «Сорванецъ». Заглавную роль «сорванца» исполнила г-жа Болотина. Для треть资料 спектакля поставили три водевиля: 1) «Молчаніе», 2) «Приличія» и 3) «Затѣйница». 6 декабря былъ четвертый спектакль и онятъ «сборный», состоящий изъ: «Цекотливаго порученія», бойко и весело разыграннаго г-жей Мизевской и г. Кульженко, затѣмъ «Дачнаго мужа» Антона Чехова и «Подъ душистою вѣткой сирени» Корнеліевой, въ которомъ недурны были г. Котомкинъ и г-жа Смуглова.

Кромѣ чисто клубныхъ спектаклей въ залѣ велосипедистовъ устраиваются и частные спектакли. Такъ извѣстна въ Кіевѣ артистка М. С. Искра-Гуринъ поставила отъ себя 13 декабря на клубной сценѣ съ участіемъ любительскихъ сильпеси И. Салова «Дармоѣдка», въ которой выдѣлились лишь г. Скарупинъ (Фронтасьевъ), г-жа Мизевская (Мариша) да г-жа Искра (Фронтасьева). Остальные играли, какъ Богъ на душу положить, хотя, повидимому, очень старались.

Устраиваются еще любительскіе спектакли на Печерскѣ въ Военномъ клубѣ подъ режиссерствомъ артистовъ театра «Соловцовъ» Н. П. Маликова и Л. А. Львова. Разыгрываются преимущественно водевили.

На Подольѣ, въ Контрактовомъ залѣ, со второго дня рожденія праздниковъ начинается рядъ «народныхъ» и «общедоступныхъ» спектаклей, устраиваемыхъ Кіевскимъ попечительствомъ о народной трезвости. Обязанности режиссера принялъ на себя Г. Г. Фонъ-Нордгеймъ, окончившій драматическое училище (нынѣ прекратившее свою дѣятельность) С. Влюменфельда. Любителей набралось значительное количество, болѣе за человѣкъ, изъ нихъ большинство бывшіе ученики актера П. Н. Богданова, подвизавшіеся въ «народномъ» театрѣ лѣтомъ въ Китаевѣ. Для открытия ставятъ: 26 декабря — утромъ въ 12½ ч. по полудни пьесу Н. Полевого «Параши Сибирячка» съ участіемъ въ заглавной роли артистки театра Н. Н. Соловцова г-жи Орловой; вечеромъ того же дня идетъ комедія А. Н. Островскаго «Безъ вины виноватые».

Затѣмъ къ дальнѣйшимъ спектаклямъ намѣчены: «Бѣдность не порокъ» Островскаго, «Ванька ключникъ» Антропова, «Дѣвѣ сиротки», «Женитьба» Гоголя, «Послѣдняя жертва», «Не такъ живи, какъ хочется» Островскаго, «Послѣдний гость» этиудъ въ 1 дѣйствіи и мн. др. пьесы.

Мѣстные благотворители отнеслись къ этимъ спектаклямъ весьма сочувственно и внесли значительную сумму для устройства сцены, декораціи и другія нужды.

ІІ. Гре

КАЗАНЬ. Предпраздничный репертуаръ казанскаго театра былъ таковъ: 18го декабря — «Женитьба Бѣлугина» и «Дѣвѣ гончія по одному слѣду»; 20-го утромъ — «Коварство и любовь» и «Бабушкины грѣшки», вечеромъ — «Злая яма» и «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (въ 3 разѣ); 21-го «Степной богатырь» и «Угнетенная невинность» и 22-го «Полусвѣтъ» и «Ночное». Послѣдній предпраздничный спектакль, по обыкно-

венію, былъ въ пользу инвалидовъ, но, сверхъ обыкновенія, публики на этомъ спектаклѣ было немало. Обыкновеніе, сколько мы помнимъ, управлѣніе театра посыпало кула слѣдуетъ со спектакля 22-го декабря — 25. много 50 руб. — и дѣло съ концомъ — повинность удовлетворена!. На этотъ же разъ въ пользу инвалидовъ вѣрою перепала не одна сотня!.

Бытовыи пьесы имѣютъ въ иліицѣ труппѣ прекрасныхъ исполнителей и поэтому нельзѧ не пожалѣть, что онѣ ставятся не часто. Такъ г. Каширинъ, болѣе, чѣмъ хорошъ въ бытовыхъ роляхъ, менѣе ему удаются классическія роли. Напрасно въ свой бенефисъ г. Каширинъ ставитъ «Шейлоукъ». Г-жи Шебуева и Голубева — также вполнѣ бытовыи артистки, особенно первая.

Понятно, поэтому, что «Женитьба Бѣлугина», «Злая яма» и «Степной Богатырь» шли съ громаднымъ успѣхомъ — и въ артистическомъ отношеніи. «Злая яма» вотъ уже второй сезонъ стала «боевою пьесой» въ Казани и имѣть полное право на успѣхъ — какъ по своему содержанію, то глубоко-гуманной идѣи, положенной въ ея основаніе, такъ и по преноходному выполнению нашими артистами. Въ этомъ сезонѣ, благодаря преноходной игрѣ г. жи Немировой-Ральфъ, даже самая неудачная роль барыни Павловой — была проведена отлично и пьеса теперь идетъ прямо художествено. Кстати: въ прошломъ году или въ сезонѣ 1896—97 г. въ Казани возникла даже иея — основать общество «помощи и защищы несчастнѣи женщинамъ». Собрانъ былъ и капиталъ, но теперь что-то замолкли слухи объ этомъ благодѣи. Не послужить ли постановка «Злой ямы» къ оживленію.

«Коварство и любовь» исполнено нашими артистами также очень хорошо, благодаря г. Агареву и г-же Артѣмьевой.

Не будемъ останавливаться на пресловутомъ «Контролерѣ», хотя мимоходомъ не можемъ не отмѣтить преноходнаго исполненія роли контролера г. Рюминъ. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствии поговорить о «Полусвѣтѣ» — Дюма. Г. Соколовскій игралъ Оливье прекрасно и это сказывалось въ каждомъ его движеніи, каждой фразѣ. Успѣхъ онѣ имѣлъ шумный и показалъ намъ, что въ его лицѣ «Горацичество» имѣетъ большую силу.

Въ Казани говорятъ о дѣлѣ Агарева, выжившаго на судѣ части рецензента и редактора «Саратовскаго Листка». Рецензентъ г. Сарахановъ принялъ выговоръ, а редакторъ г. Лебедевъ приглашаетъ г. Агарева для суда въ Саратовъ, отказавшись отъ суда въ Казани.

Одинъ казанскій кондитеръ, г. Маломѣрковъ выпустилъ въ продажу бомбоньерки съ фотографическими портретами лучшихъ артистокъ и артистовъ «Товарищества». Остроумно и по столичному... Доходить сѣть и до Казани...

Кромѣ «Ремесленного собрания», организовалъ спектакли и «Боголюбскій отдѣлъ общества трезвости», на одной изъ окраинъ города — Адмиралтѣской слободѣ. Говорить о спектакляхъ и въ Военному собранию.

Въ Ремесленномъ собрании сначала ставились только водевили и фарсы, а теперь пытаются ставить, и не безъ успѣха, серьезныи пьесы и даже драмы. Только наше «Общество изящныхъ искусствъ» снова заснуло, несмотря на военную музыку, которая гремѣла въ залѣ Общества.

КУРСКЪ. Въ газетѣ «Южный Край» № 6172 помѣщена статья г. Яблоновскаго о подношеннѣ артистамъ на сценѣ подарковъ отъ публики. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читалъ я эту статью, проникнутый почти благоговѣніемъ передъ новымъ вѣнцемъ, нарождающимся среди служителей драматическаго искусства. Каждая строка статьи проникнута была непоколебимою увѣренностью автора въ современную мощь актера на сценѣ и его почетное положеніе въ обществѣ. Актеръ не ништѣй, заключаетъ статью г. Яблоновскій, чтобы нуждаться въ подпискѣ! О, если бы это было такъ! Но передо мной визитная карточка съ надписью: «Артисты малорусской и русской труппы такой-то (не хочу называть его фамилии) просить о помощи». Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Обращался ли артистъ въ Русское Театральное Общество — не знаю, но извѣстно, что подпись дала въ его пользу более 30 руб. и онъ, кажется, исчезъ, но кудѣ для возбужденія новой подписки или же для поисковъ соотвѣтственнаго тру.

Къ намъ прибыло «товарищество оперныхъ артистовъ» подъ управлѣніемъ Серебрякова. Составъ труппы: женскій персоналъ: драматическое сопрано М. И. де-Машнъ — артистка итальянской оперы, Р. О. Шнигель, М. И. Чернекская, А. Д. Гуревичъ-Петрова, Е. С. Ставри. Мужскій персоналъ: А. А. Серебряковъ, Я. Д. Мальцевъ, И. Д. Зарянинъ, В. А. Салько, Ю. А. Лутковскій, А. П. Петровъ, Л. П. Фокинъ. Хоръ 20 человѣкъ, оркестръ 16 человѣкъ. Репертуаръ состоитъ изъ 37 оперъ, одна другой обстановочнѣе. Вѣроятно, привезена масса декорацій, подумай же, ио по справѣ оказалось, что декорацій нѣть, а предполагаютъ ограничиться тѣми, что есть на курской сценѣ, которыхъ едва ли достаточно для обстановки «Отелло Кузмича и Дездемона Цапкрайтевны».

Что дадутъ они курскому обществу, сообщу въ слѣдую щий разъ.

А. Варшавскій.

ХЕРСОНЪ. Послѣдняя недѣля прошла въ дебютахъ вновь приглашенныхъ артистокъ г.ж. Мухаринской (на роли героинь) и Шуваловской (водев. и опереточн.) г.жа Мухаринская дебютировала въ трехъ пьесахъ; въ старой мелодрамѣ «Цыганка Занда» «Родинѣ» и «Генеральшт. Матреи».

Всѣ эти дебюты прошли весьма неудачно для артистки. Наша публика не поддается на игру, бывающую на эффектѣ. Вторая дебютантка г.жа Шуваловская была счастливѣе первой. Выступивъ въ опереткѣ «Мамзель Нитушъ», она покорила публикѣ живостью не переходящей мѣру приличій. Обладая довольно пріятнѣмъ голосомъ и подходящей вѣнчанностью, артистка можетъ вполнѣ надѣяться на симпатію публики. 1 декабря начались гастроли братьевъ Роберта и Рафаэля Адельгеймъ, до настоящаго времени съ ихъ участіемъ было поставлено: «Урѣзль Акоста» съ Робертомъ въ заглавной роли и Рафаэлемъ въ роли Бенѣ-Акбы, «Гамлетъ» (Рафаэль) «Разбойники» съ Робертомъ въ роли Карла «Кинъ» (Робертъ) «Король-Лиръ» (Лиръ Рафаэль, Эдгаръ-Робертъ) и «Фаустъ» съ Рафаэлемъ въ роли Мефистофеля и Роберта ученикъ. Братья Адельгеймъ пользуются здѣсь громаднымъ успѣхомъ; жаль только, что почти всѣ эти пьесы проходятъ со слабымъ ансамблемъ. Сборы полные и по возвышеннымъ цѣнамъ.

Г.

ПЕНЗА. Весь ноябрь, благодаря дождливой и сырой погодѣ, сборы въ обоихъ театрахъ были, въ общемъ, ниже средняго. Ноябрьскіе бенефисы поэтому въ материальномъ отношеніи нельзя назвать удачными, хотя немногочисленная публика встрѣчала бенефиціантовъ шумными овациями и подношеніями. Такъ именно прошли бенефисы: г. Ростова («Честъ»), г.жи Грубецкой («Дамская война») и «Всѣ мы жаждемъ любви», г. Бориславскаго («Тайна») и г. Стрепетова («Арказоновы»). «Честъ» имѣла средній успѣхъ. За исполненіе роли Роберта бенефиціанта сильно и много вызывали. Кромѣ него выдѣлялись: г. Самарскій (Трасти) и г.жа Чалѣева (Элеонора).

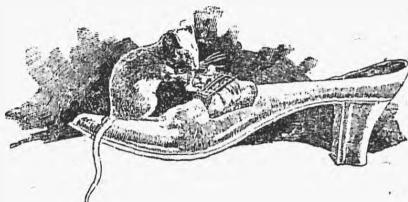
«Тайна» была разыграна не особенно складно, съ не совсѣмъ удачнымъ распределеніемъ ролей, и потому оставила какое-то неопредѣленное впечатлѣніе. Изъ исполнителей отмѣтился г.ж. Кварталову (Симочки), которая внесла въ роль много шаловливости.

«Арказоновы» прошли съ успѣхомъ. Бенефиціанта (г. Стрепетова) принимали очень тепло. Арказоновъ Дмитрій вышелъ въ передачѣ г. Самарскаго довольно вялымъ, нерѣшительнымъ.

Очень недурно была поставлена въ декоративномъ и режиссерскомъ отношеніи драма «Набатъ». Гладко прошла также комедія «Чужіе».

Аплодисменты начались со второго акта и сопровождали пѣкоторы уходы среди дѣйствія. Прочувствованный послѣдний монологъ Дебольцева-отца (г. Самарскій) произвелъ впечатлѣніе. Недурно сыграла Уткину г.жа Чалѣева. Артистка заслуженно пользуется симпатіями нашей публики; во многія роли она вноситъ отдѣлку и колоритность исполненія.

— ф.



РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 11-го по 25-е января 1899 г.

Александринскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Царь Борисъ», трагедія.—Вторникъ, 12-го января: «Исторія одного увлеченія», пьеса.—Среда, 13-го января: «Дѣвѣ судьбы», пьеса.—Четвергъ, 14-го января: «Борцы», комедія.—Пятница, 15-го января: «Волки и овцы», комедія.—Суббота, 16-го января: Вечеромъ: Въ пользу семьи драматурга Н. Я. Соловьева. «Женитьба Бѣлугина», комедія (Цѣны мѣстамъ обыкновенныя).—Воскресенье, 17-го января: Утромъ: «Ревизоръ», комедія (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Волшебная сказка», пьеса.—Понедѣльникъ, 18-го января: «Борцы», комедія.—Вторникъ, 19-го января: Бенефисъ г.жи Савиной. Въ 1-й разъ по возобновленію: «Невольницы», комедія; «Вечеръ въ Сорренто», сценка.—Среда, 20-го января: «Свѣтить, да не грѣеть», драма.—Четвергъ, 21-го января: «Царь Борисъ», трагедія.—Пятница, 22-го января: «Волшебная сказка», пьеса.—Воскресенье, 24-го января: Утромъ: «Женитьба», комедія;

«Въ чужомъ ширу похмелье», комедія (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Безприданница», драма.

Михайловскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Nos intimes», ком. (Abonnement suspendu).—Вторникъ, 12-го января: «Nos intimes», ком. (Abonnement suspendu).—Среда, 13-го января: «Блестящая карьера», комедія.—Четвергъ, 14-го января: «Nos intimes», ком. (2-ѣтнѣ abonnement, spectacle № 17).—Пятница, 15-го января: Въ 1-й разъ: «Путь къ славѣ», комедія.—Суббота, 16-го января: Bénéfice de m-r Paul Reney. «La meute», ком. nouvelle (Abonnement suspendu).—Воскресенье, 17-го января: «Отчій домъ», драма.—Понедѣльникъ, 18-го января: «La meute», ком. nouvelle (Abonnement suspendu).—Вторникъ, 19-го января: «La meute», ком. nouvelle (1-er abonnement, spectacle № 18).—Среда, 20-го января: «Путь къ славѣ», комедія.—Четвергъ, 21-го января: «La meute», ком. nouvelle (2-ѣтнѣ abonnement, spectacle № 18).—Пятница, 22-го января: «Отчій домъ», драма.—Суббота, 23-го января: Bénéfice de m-r Lorthier. «Le contrôleur des Wagons-Lits», ком. nouvelle (Abonnement suspendu).—Воскресенье, 24-го января: «Блестящая карьера», комедія.

Мариинскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Снѣгурочка», опера (г.жи Козаковская, Дулова, Фридѣ, Долина; гг. Морской, Кравченко, Шароновъ, Майборода и др.) (9-е представление 4-го абонемента).—Вторникъ, 12-го января: «Дубровскій», опера (г.жи Медея-Фигнеръ, Каменская; гг. Фигнеръ, Угриновичъ, Яковлевъ, Титовъ, Стравинскій, Фрей, Климовъ 1-й и др.).—Среда, 13-го января: Бенефисъ г.жи Пьерины-Леньяни. Въ 1-й разъ по возобновленію: «Корсарь», балетъ.—Четвергъ, 14-го января: «Корделия», опера (г.жи Кузя, Славина, Насилова; гг. Ершовъ, Тартаковъ, Стравинскій, Серебряковъ и др.) (9-е представление 5-го абонемента).—Пятница, 15-го января: «Карменъ», опера (г.жи Медея-Фигнеръ, Мравина, Слатина, Насилова; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Фрей и др.).—Воскресенье, 17-го января: Утромъ: «Евгений Онѣгінъ», опера (г.жи Больска, Насилова, Лузинова, Юносова; гг. Фигнеръ, Смирновъ, Титовъ, Кастроцкій и др.). Вечеромъ: «Корсарь», балетъ (г.жи Леньяни) (33-е представление абонемента) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).—Понедѣльникъ, 18-го января: «Снѣгурочка», опера (г.жи Дулова, Слатина, Долина, Насилова; гг. Чупрынниковъ, Шароновъ, Фрей Бухтояровъ и др.) (10-е представление 1-го абонемента).—Вторникъ, 19-го января: «Фаустъ», опера (г.жи Больска, Каменская, Долина; гг. Морской, Яковлевъ, Бухтояровъ и др.).—Среда, 20-го января: «Снѣгурочка», опера (г.жи Михайлова, Козаковская, Славина, Фридѣ; гг. Чупрынниковъ, Смирновъ, Серебряковъ и др.) (7-е представление 3-го абонемента).—Четвергъ, 21-го января: «Дубровскій», опера (г.жи Медея-Фигнеръ, Каменская; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Стравинскій, Майборода и др.) (10-е представление 2-го абонемента).—Пятница, 22-го января: «Эсклармонда», опера (г.жи Больска, Фридѣ; гг. Ершовъ, Карелинъ, Смирновъ, Фрей, Майборода и др.).—Суббота, 23-го января: Спектакль въ пользу, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора, русского театрального общества. 1) 2-й актъ оперы «Риголетто» (г.жи Михайлова; гг. Фигнеръ, Тартаковъ, Стравинскій); 2) 1-й актъ оперы «Паяцы» (г.жи Медея Фигнеръ; гг. Фигнеръ, Карелинъ, Яковлевъ и Смирновъ); 3) 3-й актъ балета «Пахита», 4) «Ноктюрнъ», пьеса; 5) «Пришель желанный», драма; 6) «Le caprice», ком. — Воскресенье, 24-го января: Утромъ: «Жизнь за Царя», опера (г.жи Будкевичъ, Долина; гг. Ершовъ, Серебряковъ и др.). Вечеромъ: «Корсарь», балетъ (г.жи Леньяни) (34-е представление абонемента) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).



СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Н. Арбатовъ: любовникъ и разные характерные роли. Великіе Луки, Псковской губ., Почтовая контора до востребованія.

Нужны артисты и артистки

въ г. ЛОМЖУ.

Товарищество. Сезонъ съ 1 января до Пасхи. Обращаться съ приложеніями по адрессу: Фонтанка, 40, мебл. комн. Централь № 3.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Косметические спермацетовые личные утиральники

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употреблении спермацетовых утиральников, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣщаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено влиянию солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересыпкой не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупреждѣнія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (р.)

Только-что поступиль въ продажу во всѣ главныи музикальныи и книжныи торгошли п въ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѦ

(С.-Петербургъ, Троицкая 38).

1899 г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

A. ГАБРИЛОВИЧА.

1899 г.

Справочная и Записная книжка для Музыкальныхъ и любителей музыки годъ издания пятый. Цѣна въ изящномъ коленкоромъ переплетѣ, 1 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ включаетъ въ себѣ три отдѣла:

I. Записная книжка на каждый день года. Общекалендарная сиѣдѣнія.

II. Музыкальный Адресъ-Календарь Россіи. Сиѣдѣнія въ столичныхъ и провинциальныхъ городахъ Россіи.

III. Справочная музыкальная книжка. Законы и правила. Конкурсы, Попости музык, литературы. Биографич. сиѣдѣнія о русскихъ и иностр. композиторахъ. Новый проектъ законоположеній о музыкѣ, собственности. Краткій музык. словарь. Планы театровъ и концертъ, заль и проч. и проч.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Календарь этотъ отличается полнотою, практичесностью въ распределеніи материала и большою точностью сиѣдѣній: („Р. В.“).

„Музыкальный Календарь“—драгоценный и незамѣнимый спутникъ не только артиста-концертиста и музыканта-педагога, но и каждого вообще, занимающагося или просто интересующагося музыкою. („М. О.“)

„Музыкальный Календарь“ изданъ изящно и по цѣнѣ и по формату совершенно приспособленъ къ современному карману. („Т. И.“).

РУССКОЕ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

желая заблаговременно составить на слѣдующій зимній сезонъ труппу, приглашаетъ гг. драматическихъ артистокъ и артистовъ желанія свои заявить Предсѣдателю театральной комиссіи Сосновскому въ г. Ригѣ, Мельничная ул., 48, кв. 11, указавъ свои амплуа, окладъ содержанія въ мѣсяцъ и гдѣ нынѣ состоять. Со стороны же общества полное обезпеченіе своевременного полученія жалованья. Сезонъ продолжается съ 1 октября по Великій постъ. Въ недѣлю три спектакля, на рождественскихъ же праздникахъ и масляной недѣли больше. Подробности при личной перепискѣ.

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильбі“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсѣнко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будиццева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунѣ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальериона. Ц. 50 к., „Влюблена“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Немировича Ц. 50 к., „Москвица“, шутка въ 1 д. В. Бентовица. Ц. 50 к., „Вѣра Иртесьева“, др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Любъ спасенія“ (Ma coussine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“ Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р. „Волшебная сказка“ Ц. 2 р. „Маріана Ведѣль“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“ Ц. 1 р. 50 к., „Лизистрат“ Ф. Литерера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“ М. Гальбе Ц. 1 р. 50 к., „Сирапо де-Бержеракъ“ Э. Ростапа. Ц. 1 р. 50 к., „Новидимая сила“ Ц. 60 к., „Баба“ исп. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к., „Послѣдній Гость“ Ц. 60 к., „Сплетня“ г-жи Верховской. Ц. 1 р. 50 к., „Страшилка романа“ эт. въ 1 д. Берниковъ. Ц. 60 к.

Иллюстрированный каталогъ костюмовъ и бутафорскихъ вещей Бр. А. и Л. Лейферть ц. 75 коп. „Графъ де Ризоръ“ В. Сарду пер. Н. Арбенина, Иллюстр. изд. ц. 1 р 25 коп.

При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

ПАМЯТЬ

(лиць КАЖДАГО возраста) укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урок.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Первый и единственнѣй въ Россіи преподаватель искусства изощренной и укрѣпленіи памяти и устраненіи раздѣянности.

Посредствомъ моего метода, основанного на законахъ физиологии, психологии, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшую у обладающихъ хорошей, при чёмъ изопрѣется внимание и улучшаются всѣ умственныхъ способности.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились, въ теченіе моей 12-ти лѣтней дѣятельности на по-принципѣ преподаванія мнемоники въ Россіи и за границѣ, гг. священники, врачи, педагоги, военные, студенты, актеры, художники и тысячи друг. лицъ разныхъ профессій, знаний и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ изощренной и укрѣпленіи памяти и удачоприносящихъ меня благодарности.

Методъ дважды проморванъ Парижской Академіей.

ИНОГОРОДНИМЪ

высыпаются условія за заочное преподаваніе и объемистую брош. (содержащ. мнемочисленныя благодарности официальныхъ и индивидуальныхъ лицъ, проходившихъ у меня курсъ мнемоники) за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (8-е числ. и доп. изд.) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7-ми коп. марокъ, на беленевой бумагѣ — за восемь 7-ми к. мар.

Лично пр. въ г. Одессѣ, по Гаванной ул. ч. д. № 373—31 (рядомъ съ Городскимъ садомъ), въ своей ин. бельэтаже, № 8, или въ своемъ главномъ бюро, кв. № 14.

Адресъ для простыхъ и заказныхъ писемъ: Одесса, въ „отдѣлѣніи бюро курсовъ заочного преподаванія мнемоники“, уг. Пушкинской и Базарной ул., собственныи домъ № 373—318 профессору мнемоники С. Файнштейну.

(№ телефона въ городѣ 199, № телефона на собственой дачѣ „Мнемозина“ 933.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗОРЪ

(PATRIE!)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ф. Арбенина (Пьеса безусловно разрѣшена къ представлению).

Иллюстрированное издание журнала „Театръ и Искусство“, съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкахъ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистического Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.
Складъ издания: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Моховая, 45.

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1899 году

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земельнымъ и т. д.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.

3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.

4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.

5) Повѣсти и разсказы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литератураная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева. Извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „КИЕВСКОЕ СЛОВО“ съ доставкой и пересылкою на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; безъ доставки и пересылки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2.25 к., на 1 мѣс.—75 к. Заграничные подписчики прилагаются къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иностранныхъ адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) Въ главной конторѣ, на Большой Владимицкой, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ—у Метцль и Ко.

Гр. иностранныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „КИЕВСКОГО СЛОВА“, Большая Владимицкая, домъ № 43.

Редакторъ Е. И. Игнатьевъ.
Издательница В. М. Антоновичъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НАРОДЪ“

(Третій годъ изданія).

Подписная цѣна газеты повышена до десяти рублей въ годъ съ пересылкою и доставкою повсемѣстно въ Россіи. Газета посвящаетъ себя разработкѣ вопросовъ государственной, общественной и хозяйственной жизни русского народа. Въ газетѣ между прочимъ отводится много мѣста вопросамъ желѣзодорожнаго дѣла въ Россіи, вопросамъ церковнымъ, вопросамъ посвѣщеннымъ и вопросамъ, касающимся жизни провинціи. Сообщенія изъ провинціи широко раскрыты страницы газеты, такъ какъ она сознаетъ важную роль, какую все болѣе и болѣе занимаетъ провинція въ жизни Русскаго Государства. Всякое сообщеніе, идущее отъ мѣстныхъ освѣдомленныхъ лицъ, касающееся жизни городовъ, земствъ, вопросовъ сельско-хозяйственныхъ, торго-промышленныхъ и т. п., съ благодарностью принимаются газетою, если оно проникнуто духомъ общей пользы, а не личныхъ счетовъ. Для болѣе яркаго освѣщенія провинциальной жизни въ газетѣ существуетъ особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Провинциальный фельетонъ“, въ которомъ спѣдѣнія, полученные отъ корреспондентовъ и почерпнутыя изъ провинциальныхъ газетъ, разрабатываются сотрудниками, близко знакомыми съ провинциальной жизнью и специально для этой работы приглашенными.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи, повсемѣстно, съ перес. и доставкой: на 1 годъ 10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. За границу, въ государ. почтоваго союза: на годъ 14 р., на 6 мѣс. 7 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 75 к. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ газеты, Б. Морская, 36. Въ Москвѣ: въ конторѣ биржевого маклера И. Ю. Шульца (Старый Гостиный дворъ) и въ главномъ газетномъ агентствѣ К. Н. Александровой (на Тверской, притомъ агентствѣ Генераль-Губернатора).

Гр. провинциальные подписчики благоволять обращаться въ главную контору газеты въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ Н. Я. Стешкинъ.

Издатель А. П. Мальшинскій.

№ 10 (3-1)

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

32-й годъ.

ДОНЪ

XXXII годъ.

(въ Воронежѣ) на 1899 г. Тридцать второй годъ изданія.

Со 2-го февраля 1899 года газета „ДОНЪ“ начинаетъ 32-й годъ своего изданія. Просуществовавъ больше 30-ти лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинциальнаго района, отголоскомъ котораго она служила почти третью столѣтія, поэтому, открывая подпиську на 1899 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній; что можно будетъ сдѣлать для улучшения газеты—то будетъ сдѣлано. Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ: на годъ—6 р., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкою въ другое города: на годъ—7 р., полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р.

Редакторъ-издатель В. Веселовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(Шестнадцатый годъ изданія).

Въ 1899 г. „Новое Обозрѣніе“ будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, въ программѣ большихъ столичныхъ газетъ. Въ газетѣ, кроме мѣстныхъ силъ, въ истекшемъ году принимали участіе: К. С. Баранцевичъ, И. Ивановичъ, В. В. Лункевичъ, В. В. Лесевичъ, проф. Н. Марръ, М. А. Протопоповъ, К. В. Назарьева, А. Хаховъ и другие.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. За границу: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписька принимается не иначе какъ считая съ первого числа любого мѣсяца). Для селенскихъ учителей льгота: подписная цѣна на годъ—7 р., полгода—4 р. Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иностранныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается рассрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му сентября—2 р. Подписька и объявленія принимаются въ Тифлисѣ, въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8. Иностранные адресуютъ свои требованія въ Тифлисѣ, въ редакцію „Нового Обозрѣнія“. Подписька и объявленія принимаются: въ Тифлисѣ—въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8; въ Батумѣ—въ книжномъ агентствѣ М. И. Николадзе; въ Кутаисѣ—въ книжн. магазинахъ Чиладзе и Бежанашвили. Розничная продажа «Нов. Обозр.» въ Петербургѣ производится въ газетныхъ кiosкахъ: у Аничкина и Никол. мостъ, на Казанской площади, у Гостиныхъ дворовъ и въ газетномъ агентствѣ въ пассажѣ. (3-1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на ежедневную, политическую, общественную, литературную и экономическую газету

„УРАЛЪ“

издающаюся по программѣ большихъ столичныхъ газетъ въ г. Екатеринбургѣ, Пермской губерніи.

Газета посвящена преимущественно разработкѣ многочисленныхъ вопросовъ, касающихся обширнаго горнозаводскаго и торгово-промышленнаго Уральскаго края.

Въ газетѣ принимаютъ участіе всѣ пайбогѣ выдающіяся мѣстныя литературныя силы, а въ столицахъ имѣются собственные корреспонденты и сотрудники.

Цѣна на годъ съ пересылкою и доставкой 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 руб.

Редакція газеты „Уралъ“ предприняла въ 1898 г. изданіе

«ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО УРАЛУ»,

который могъ бы служить соравночной настольной книгою и послѣднимъ для ознакомленія съ этимъ краемъ, богатымъ своей промышленной дѣятельностью, а еще болѣе мало изслѣдованными пѣддрами своими (въ которыхъ заключаются неисчислимые богатства, ожидающія предпріимчивыхъ людей), историческими и этнографическими условіями развитія, бытовыми особенностями и экономическими положеніемъ.

Издание поступитъ въ продажу въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года. Цѣна вплиги 2 р. 50 к., въ изящномъ переплѣте 3 р. Выплачивающіе непосредственно изъ конторы редакціи газеты „Уралъ“ за пересылку не платятъ.

Издатель В. Г. Чеканъ.

Редакторъ П. И. Пѣвинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(третій годъ изданія)

III ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

III ГОДЪ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

Въ 1899 г. журналъ „Театръ и Искусство“ будетъ издаваться по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниками.

Наши постоянные читатели, безъ сомнѣнія, успѣли убѣдиться, что изданіе не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а совершенствуется по мѣрѣ силы. Въ 1899 г. предположено: 1) обратить особое вниманіе на дальнѣйшее улучшеніе иллюстрацій и вида журнала, 2) увеличить количество пьесъ и нотныхъ приложенийъ, 3) выпускъ словаря сценическихъ дѣятелей довести до буквы Д.

Путь нашего служенія задачамъ театра, литературы и искусства опредѣлился, падающія, съ досчатою ясностью. Наше слово всегда стремилось быть не только честнымъ, но и серьезнымъ словомъ. Этимъ стремленіемъ отдастъ справедливость всякой знающей насы, а неизвѣданнымъ да поможетъ первый. Вотъ единственный способъ реалистъ, который мы считаемъ дозволительнымъ, и который въ состояніи создать не только многогодичную, но и единомышленную аудиторію.

Въ 1897—98 гг. помѣщены были въ журналъ произведения слѣдующихъ лицъ:

Авсѣнко В. Г., Александрова Н. А., Амфитеатрова А. В., Арбенина Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бентовина, Б. И., Блейхмана Ю. И., Вейнберга П. И., Гнѣдича П. П., Далматова В. П., Дѣянова А. И., Карпющева М. В., Карпова Е. П., Кнорозовскаго И. М., Коринфскаго А. А., Кояловича М. М., Кравченко И. И., Кугеля, А. Р., Ленскаго Ал. П., Немировича-Данченко Вас. И., Немировича-Данченко Вл. Ив., Плецесева А. А., Постапенко И. Н., Преображенскаго В. П., Ростиславова А. А., проф. Сакетти Л. А., кн. Сумбатова А. И., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фоломѣева К. И., Фруга С. Г., Южного М. Г., Ясинскаго И. И., Гриневской И. А. и друг.

Статьи по общественнымъ вопросамъ и теоріи театра, искусства и литературы. Фельетоны.**Критические этюды. Беллетристика. Обширная корреспонденція.****ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:****1) 52 №№ журнала,****за годъ изящный томъ на хорошей бумагѣ около 1,000 страницъ,
свыше 600 иллюстрацій и портретовъ.****2) нотные приложения,****3) 20 репертуарныхъ пьесъ, отдѣльными приложеніями, стоящихъ около 30 р.**

Въ 1897—98 гг. даны, между прочимъ, слѣдующія пьесы, имѣвшія шумный успѣхъ:

„Трильби“, „Катастрофа“, „Наканунѣ“, „Влюбленная“, „Вѣра Иртеньева“, „Трудовой день“, „Облачко“, „Волшебная сказка“, „Джентльменъ“, „Золотая Ева“, „Спиритизмъ“, „Лизистратъ“, „Юность“, „Сирано-де-Бержераанъ“, „Баба“, „Страница романа“, „Урокъ танцевъ“ и т. д.

4) Отдѣльные выпуски по мѣрѣ накопленія материала,**„СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ СЦЕНЫ“,**

куда войдутъ портреты, біографія, характеристики артистовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, театральныхъ критиковъ и т. п.

Подписная цѣна за годъ со всѣми приложеніями съ доставкою 6 р.

полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подписаніи 2 р. и по 2 р. 1го Марта 1го Іюня.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

Редакторъ А. Р. Кугель.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвета: черный, каштановый и темнорусый.

Краска „Натурель“ не имеетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный снадѣй: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія И. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

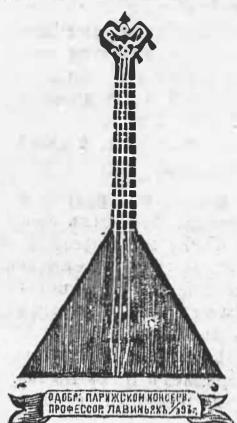
Открыть секретъ

играть на рояль и фисгармоин, не зная потъ. Книжка 20 коп. Пробн. ур. съ подробн. и перес. 50 к. (можно марками), а 4 легк. пѣсни 1 р. Наложеннымъ менѣе 1 р. не высыпаю. Каталогъ пьесъ бесплатн. Складъ изд. Сиб. Воинесенск., д. 42. А. И. Поперековъ. № 202 (10—7)

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.
ПУДРА ЮНОСТИ
КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ МЪЖНОСТЬ И БАРХАТНОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУЩИТЬ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАТЬ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

№ 105(г.)

Коробка 75 коп. и 40 коп.

**Мастерская струнныхъ инструментовъ****В. В. ИВАНОВА.**

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготавление новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипокъ, альтовъ, віолончели, контрабасовъ, смычковъ и всѣхъ къ нимъ принадлежащихъ, мандолинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшая струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—5)

НОВАЯ КНИГА**СТИХОТВОРЕНІЯ А. М. ФЕДОРОВА.**

Цѣна 1 р. Типографія А. С. Суворина. Складъ изданія Книжн. магаз. Суворина.